

Тертышный Николай Николаевич

БАЙКИ

(сборник занимательных историй)

Идея М. Балунин

Составил и обработал Н. Тертышный

Маленькие не систематизированные занимательные зарисовки из жизни знаменитых и менее знаменитых людей, смешные и почти анекдотичные случаи, подмеченные в жизни, в книгах, из воспоминаний замечательных людей, из смешных рассказов о них самих. Не обделён сборник и, прямо скажем, историями фантастическими, никогда ни с кем не случавшимися, но весьма правдоподобными и способными обязательно случиться в жизни с кем-либо из нас великим или совсем даже скромным и незаметным человеком. Фантазию и невероятность событий оставим на совести составителя, дерзнувшего собрать истории и обработать. А читателю потребуется лишь вспомнить о своём здоровье и обязательно улыбнуться. Ибо, как говорит восточная пословица:

«...Один клоун, приезжающий в город, даёт людям больше здоровья, чем караван верблюдов, нагруженных лекарствами».

БЫЛО ЛЬ НЕ БЫЛО НО РАССКАЗЫВАЮТ...

У Льва Толстого в Ясной Поляне часто, иногда подолгу жили простые, и даже случайные люди – странники, бродяги, живущие милостыней, подаянием. Один из таких «постояльцев», устроившись на тропке, где бывало поутру гулял хозяин усадьбы, не вставая с колен и напустив на себя образованность, спросил проходившего графа:

-После того, как вы пришли ко Христу, о чём Его просите?

В округе знали, что для таких вот непредвиденных встреч у Толстого всегда находился пятак либо мелочь. На сей раз карман был пуст. Писатель сквозь нависшую седину бровей внимательно оглядел «странника», затем серьёзно и назидательно ответил:

- К Нему не приходят, к Нему поднимаются, и Его не просят, Его благодарят...

Сенека, как известно, в дополнение ко всем своим добродетелям философа был состоятельным богатым сановником, живущим в достатке и роскоши. Во время одного из заседаний сената, когда он долго и умно говорил о скромности, умеренности и прочих добродетелях из того же ряда, кто-то из сенаторов с упрёком заметил:

-Сам-то неплохо приспособился...

На что Сенека многозначительно поднял указательный палец:

- Философы говорят не о том, как живут сами, а о том, как надо жить всем...

Протопоп Аввакум, возглавивший непримиримых сторонников так называемой старой веры при расколе православной церкви в семнадцатом веке, в быту был неприятным, аскетичным человеком. Уходя от притеснений в глухие места, раскольники жили землепашеством, промышляли охотой и рыбной ловлей. Однажды протопоп с молодым послушником худой ивовой вёршею ловили рыбу к нехитрому общинному столу. Попадалось плохо. Мало того, большая часть улова уходила из снасти. Послух, сожалея, и говорит:

- Надо вентерь чинить. Вона, сколь рыбы упустили...

На что протопоп смиренно заметил:

- Сколь надо, о том Христос намекает, а вот сколь непотребно, самому знать надлежит...

Однажды в опере с участием Ф.И. Шаляпина в самом начале спектакля случается конфуз. Певец уже на сцене в костюме, в гриме, оркестр выдал вступление, но... великий бас молчит. Дирижёр повторяет вступление ещё раз. Шаляпин, продолжая молчать, грустно обводит глазами зал, качает сокрушённо головой и... уходит. В уборную к нему влетает владелец оперы:

- Фёдор Иванович, голубчик! Не губи! В зале аншлаг.... Ты же меня без ножа режешь...

Певец мрачно глянул на него и тихо, извиняясь, сказал:

- Не могу сегодня, понимаешь. Тоска, брат...

Чуть помедлив, добавил:

- Убытки запиши на мой счёт...

Случай сей лишний раз подтверждает мнение, бытующее в артистической среде о том, что только гении, да и то, заручившись поддержкой кошелька, пользуются иногда исключительным правом не играть, если уж не вмогуту.

На съёмках фильма «Человек в футляре» по Чехову Фаина Раневская играла бессловесную роль жены инспектора гимназии. Консультировала фильм Ольга Книппер-Чехова.

- Не забыл ли автор где-нибудь в черновиках пару слов для инспекторши с таким выразительным лицом, - намекала актриса о своём желании как-то озвучить роль. О её же критичном отношении к своей внешности было известно всем.

- Я думаю, Антон Павлович простил бы несколько лишних слов, если это важно для роли. Но о чём они будут? – улыбалась Ольга Леонардовна.

И Раневская произносит замечательную фразу, которая, в конце концов, и вошла в фильм:

- Я никогда не была красивой, но постоянно была чертовски мила...

Начиная съёмки одного из своих фильмов, Михаил Ромм при встрече с Эйзенштейном спросил:

- Завтра у меня первый съёмочный день, как я должен его провести?
И «великий мастер» напутствовал:

- Представьте себе, послезавтра вы попадаете под трамвай.... Поэтому снимите свой первый кадр так, чтобы я смог показывать его вгиковцам с упоминанием вашей безвременной кончины со словами: «он успел снять всего один кадр, но этот кадр бессмертен...».

И вот, работая в дальнейшем, всегда в случае заминки, либо неурядиц на съёмочной площадке, когда работа не клеилась, Ромм сокрушённо разводил руками:

- И что будет послезавтра показывать Эйзенштейн для бессмертия, если я завтра действительно окажусь под трамваем?...

Неподражаемая Рина Зелёная в одном из пародийных спектаклей изображала исполнительницу старинных романсов и таборных песен. Она выходила на эстраду в длинном чёрном платье, с огромной надувной грудью, увешанная до пупка крупными звеньями золочёной цепи. Наматывая эту цепь на запястья, она выбрасывала руки вверх и пела: «Долго в цепях нас держали...». И потом, поддерживая цепью резиновую грудь, с пафосом продолжала: «В царство свободы дорогу грудью, ах, грудью проложим себе...». В зале от смеха все сползали со стульев.

Фаина Раневская с инфарктом попадает в больницу. Врачам наряду с основной болезнью приходилось бороться с её бессонницей. Прописав пациентке с вечера снотворное, как-то утром при обходе врач спрашивает:

- Ну-с, как спалось сегодня?

Актриса, изображая на лице муку, отвечает:

- Отвратительно! Заснула только под утро...

Врач артистично недоумевает:

- Как же так? Вчера вам прописали успокоительное для буйнопомешанных...

- Правда?

- Ну конечно...

Продолжая подыгрывать доктору, Раневская сокрушается:

- Как жаль, что вы мне раньше этого не сказали: может быть, тогда бы я заснула...

Как-то в кругу литераторов, в обсуждении воспоминаний одного известного в прошлом поэта, молодой Гейне задиристо с юношеским максимализмом задел старика:

- Писать мемуары – всё равно, что показывать свои вставные зубы...
- На что тот, совершенно не обижаясь, ответил, шамкая пустым ртом:
- Обломав сдуру по молодости зубы сухомяткой поэзии, с возрастом наконец-то понимаешь толк и в том, что легко пережёвывается...

В самом начале Мировой войны, по случаю отбытия в войсковую часть одного из друзей, у Киплинга в тесном кругу сдержано говорили о последних событиях в Европе. Кто-то развернул свежую газету:

- Вот, господа, слушайте. Передовые отряды наступающих встретили отчаянное сопротивление, несут большие потери и даже в таком-то районе отброшены назад...

Читающему тут же возразили:

- Сегодня утром по радио я слушал совершенно противоположное сообщение...
- Да-а..., - задумчиво прерывает спорщиков Киплинг. – Когда начинается война, первые основательные потери терпит истина...

Случай из биографии замечательного французского писателя Оноре де Бальзака. Однажды он в кругу многочисленных просителей с меланхоличным видом полузакрыв глаза долго сидел в ожидании приёма у кабинета начальника какого-то департамента, где должен был разрешиться вопрос перестройки дома писателя. Проходит немало времени, прежде чем чиновник выходит сам поприветствовать писателя. Наиграно извиняется:

- Дела, знаете ли, голубчик. Какое счастье видеть Вас в наших стенах...
- На что Бальзак, обводя взглядом тесное помещение, размышляет:
- Если ваш департамент действительно переделать в дом счастья, то этот зал ожидания нужно будет делать самым большим...

В разговоре с одним набожным глубоко религиозным приятелем Джонатан Свифт попробовал, как обычно размышлять о своём творчестве:

- Сейчас я обдумываю новое приключение для своего героя...
- Приютелю, вероятно, показалась скучной эта тема, и он не поддержал разговор в нужном направлении:

- Дорогой мой, вас всегда можно упрекать в каких-то излишних устремлениях в иное время, в невероятные действия. Нужно жить проще, ближе к людям, к их заботам и сегодняшним делам, одним словом...

В ответ Свифт лишь язвительно, как это он умел, саркастически хмыкнул:

- Странно...! И это говорит мне один из того большинства людей, которые всё время лишь готовятся жить... позднее!

Фуршеты и рауты прошлого ничем в принципе не отличались от нынешних светских тусовок и презентаций. В конце девятнадцатого века, на одной из вечеринок по какому-то пустяшному случаю, серьёзный и уставший от дневных забот писатель Карло Досси, уединившись от шума в укромном уголке, просто решил отдохнуть. Его одиночество прерывает неожиданно подвыпившая пышнотелая дама, явно жаждущая близкого знакомства с известным итальянцем.

- Ах, я вижу вам так одиноко!

- Да, нет.... Я так..., собственно, отдыхаю, - Досси пытается скромно отделаться от навязчивой особы.

Но та совершенно непробиваема и пытается философствовать:

- Ах, я так понимаю вас! Одиночество так угнетает.... Большинство людей не любят и избегают одиночества. И вы знаете почему?

- Конечно знаю, - не задумываясь, усмехается писатель. – Потому что наедине с собой лишь немногие наслаждаются приятным обществом...

Знаменитый острослов Жюль Ренар не терпел небрежного отношения к своим бумагам со стороны прислуги:

- Мадам, вы вечно потрошите мои рукописи, словно это синие ошипанные куропатки с рынка. Не забывайте, что эти черновики – наше с вами приличное существование в будущем.

Писатель многозначительно делает ударение на последнем слове.

Служанка, солидная дама в возрасте, собирая пыль с книжных полок, ворчит:

- Нам в настоящем бы не помешали куропатки. А тут, будущее..., черновики. Тоже мне, мыслитель...

На что Ренар обрадовано откликается:

- Это великолепно сказано! Замысел – это черновик будущего.... Да вы просто чудо, мадам!...

Однажды в кругу учеников сатирик Ювенал заговорил о некоторых особенностях таланта:

- Природа мстит за исключительность. И я просто докажу вам это.

Назавтра этот известный римлянин под смешки и улюлюканье мальчишек явился с вороной на плече. Удивительное было в том, что птица была вымазана белилами. Сатирик на глазах у всех отпустил ворону. Та, радуясь, что дешево отделалась от человека, тут же примкнула к стае своих чёрных собратьев, что пировали на куче городских отходов. Птицы неприязненно встретили новенькую и с галдежом бросились отгонять её. «Белая» ворона недоуменно уселась поодаль, лишь поглядывая в сторону стаи.

Довольный опытом Ювенал, встав в позу, отставив ногу в лёгкой сандалиии, продекламировал:

Заметить в стае мудрено
Её, когда как все черна...
Но вот чуть больше ей дано –
И стая ропщет – «Вор она!»...

Эйнштейна было трудно упрекать в консерватизме и, тем не менее, это был осторожный в обыденности человек. Новатор и первопроходец в теоретической физике в жизни был заурядным обывателем, живущим неспешно сегодняшним днём. И когда кто-то из близких упрекал его в неумении хоть чуточку заглядывать вперёд, «светило науки» со свойственной ему гениальностью отвечал:

- Я никогда не думаю о будущем. Оно приходит само достаточно скоро...

Как-то однажды перед проповедью в протестантской церкви один из прихожан, глава солидного семейства, заносчиво и излишне громко говорит соседу:

- Меня уважают за многие дела и главное за те немалые жертвы на веру, которые я регулярно отправляю на счёт нашего прихода. Если меня здесь перестанут уважать, то...

Всё это слышит появившийся перед паствой известный проповедник Генри Бигер. Минуту спустя над притихшими головами раздаётся его проникновенный голос:

- Сегодня, братья, мы поговорим о переоценке некоторыми чванливыми людьми своих благих поступков. Эти люди часто бывают совершенно безвредны. Своим преувеличенным самоуважением они освобождают других от необходимости вообще уважать их...

Михаил Шуйдин, в поисках своего клоунского лица, однажды изготовил специальную деревянную модель носа и затем слепил на ней из марли и клейстера несколько разных смешных носов. Готовые образцы он положил для просушки на батарею в гардеробной. К концу дня носы таинственно исчезли. Подозрение сначала пало на уборщицу – не выкинула ли она их, убирая помещение. Когда выяснилось, что уборщица к батарее и близко не подходила, клоун заподозрил артистов, работающих рядом с ним. Но те клялись, что носов не трогали. На другой день всё повторилось – сделанные утром носы к вечеру таинственно исчезли. Шуйдин завелся, и весь день разговаривал со всеми сквозь зубы. А на третий день, изготовив очередную партию носов, потратив на это около пяти часов, заявил всем:

- Увижу, кто притронется к носам, убью.

А во время репетиции он забежал в гардеробную за реквизитом и увидел, как маленькая собака одного из артистов с аппетитом дожёвывала последний

нос. Марля с клейстером пришили ей по вкусу. Собачонку клоун, конечно же, не убил.

Один из литераторов в разговоре со Станиславом Ежи Лецем пожаловался на свою неудачно сложившуюся жизнь:

- Знаете, несчастья, вероятно, рождаются вперёд таких неудачников как я. Недавно закончил повесть, понёс редактору, но, оказывается, подобное было уже у кого-то из классиков. И чем я провинился перед богами?

- Тем, что не берёте с них примера, - смеётся известный юморист.

- Как это?... - недоумевает неудачник.

- Боги начинали с того, что создавали о себе легенды. Так-то, голубчик...

В цирке артисты часто пользуются придуманными именами. В тридцатые годы, например, в цирке работали акробаты под псевдонимом «Братья Вагнер». Настоящие же их фамилии были Преступляк и Кровопущенко. Позднее в цирке же вместе со знаменитым Карандашом работали музыкальные эксцентрики Иванов и Гаврилов. Им давно предлагалось придумать псевдонимы сообразно их сценическому номеру. Но те только отмахивались. Но вот однажды, когда художник оформлял огромный рекламный стенд с перечнем номеров программы, проходивший мимо Карандаш поправил оформителя:

- Ошибочка тут у вас. Вы неправильно написали фамилии. Поправьте. Надо писать: «Музыкальные эксцентрики Шизя и Френик».

Художник безропотно замазал фамилии Иванов и Гаврилов и написал: «Шизя и Френик».

Артисты, увидев, как их окрестил комик, схватились за головы и сразу придумали себе псевдонимы – Кисель и Клюква, под которыми работали долгие годы.

Известный французский политик и публицист девятнадцатого века Пале де Лозер решил воспользоваться сменой правительства, полагая, что новый министр по-доброму отнесётся к вопросу, с которым не однократно и безрезультатно он обращался к прежнему хозяину министерского кабинета. В секретариате политик был озадачен тем, что министр остался прежний, и управляющий делами, извиняясь, не принял вопрос Лозера.

- К сожалению, ваше дело по-прежнему не интересует его..., - секретарь многозначительно кивнул в сторону кабинета.

- Да! – развёл руками публицист. – Плохо если министры часто меняются. Но ещё хуже, если плохие министры остаются на местах...

На отходящий парижский поезд буквально в последние минуты вскочил запыхавшийся пассажир. А ещё через несколько минут выяснилось, что опоздавший господин сел не на тот поезд. Кондуктор наставительно объяснял:

- Ваш поезд отправится часом позже. Теперь я даже не знаю, что мне с вами делать. У меня нет мест...

- Как так! – вспыхнул пассажир. – Железнодорожная компания продала мне билет, а не подарила мне это ваше чёртово... место.

- Я попрошу..., - встал в позу кондуктор.

И пошло – поехало. Пока вызывали старшего кондуктора и начальника поезда, вагон долго приглушённым ропотом сочувствовал пассажиру. Потом с приходом начальства ещё разбирались целых два часа, пока поезд не сделал остановку. И оказалось, что пассажиру нужно было именно здесь выходить...

Когда всё разрешилось благополучно и шум в вагоне поутих, случившийся среди пассажиров известный путешественник и социолог Анри Зигфрид философски заметил:

- Искусство жизни состоит не столько в том, чтобы сесть в подходящий поезд, сколько в том, чтобы сойти на нужной станции...

На исповеди у известного американского священника Уильяма Сандея один крестьянин пожаловался на своё житьё-бытьё:

- В хозяйстве рук не хватает. Работаете, работаете, а всё без толку. Дети не помогают, ругай, хоть лопни, не дозовёшься. Жена – рохля.... За что не возьмётся, всё из рук валится...

Проповедник внимательно выслушал мужика и посоветовал:

- Попробуй похвалить жену. И не обращай внимания, если с непривычки она испугается...

Юрий Владимирович Никулин часто с иронией вспоминал о своей армейской службе, о забавных случаях на фронте. Весной 1944 года после прорыва Ленинградской блокады советские части, отбрасывая противника из укреплений, занимали его позиции. Однажды батарейный расчет, в котором служил будущий клоун, расположился в оставленном блиндаже. Зажгли коптилку, достали сухой паёк. Стали есть. И тут увидели, как по выступающей балке спокойно идёт мышь. Кто-то из бойцов на неё крикнул. Мышь, не обращая на это никакого внимания, прошла по балке и прыгнула на стол. Здесь она поднялась на задние лапки и, как делают маленькие собачки, стала просить еду. Никулин протянул ей кусочек американской колбасы. Мышь взяла еду передними лапками и начала грызть. Все смотрели на это как заворожённые.

Видимо, просить еду и не бояться людей приучили мышь живущие в блиндаже немцы.

Один из бойцов замахнулся на незваную гостью автоматом. Никулин схватил его за руку:

- Вася, не надо.

- Мышь-то немецкая, - возмутился боец.

- Да нет, - с серьёзным лицом говорит Никулин. – Это наша мышь, ленинградская. Кто бы её из Германии сюда тащил? Посмотри на её лицо...

Все рассмеялись, и мышка осталась жить...

Однажды в кругу состоятельных и важных людей на званном обеде за столом, ломящемся от изобилия яств и напитков, супруга одного солидного чиновника, поедая крупную сочную малину со взбитыми сливками, пожаловалась на отсутствие аппетита:

- Недавно мне посоветовали попробовать китайскую кухню. У них так много приправ и специй, возбуждающих аппетит...

Сидящий напротив Сервантес, автор знаменитого «Дон Кихота», словно поддакивая чиновнице, серьёзно проговорил:

- Самая лучшая приправа есть не только в Китае, у нас её тоже предостаточно. Это голод...

И сделав небольшую паузу, добавил:

- Бедные люди, не испытывающие недостатка в этой приправе, всегда едят с аппетитом...

Сервантес умел во всём находить что-то положительное, пусть с усмешкой, иронизируя, но положительное. Кто-то из аристократов однажды упрекнул писателя в панибратстве с людьми из низших сословий:

- Что дают вам эти знакомства с оборванцами, не способными работать ни головой, ни руками?

На что создатель «рыцаря печального образа» возразил:

- Вы совершенно не правы! Под плохим плащом нередко скрывается – хороший пьяница...

Во ВГИКе на актёрском факультете при прослушивании абитуриентов частенько случаются удивительные истории. Известный фотокорреспондент Фёдор Тимченко в юности, отвоёвав матросом на фронте, пробовал поступить учиться не артиста. На прослушивании один из экзаменаторов даёт ему задание:

- Актёр должен быть внимательным и наблюдательным. Вы согласны? Так вот представьте себе, что вы глухонемой. Как вы попросите у меня молоток?

Тимченко честно включился в роль глухонемого: что-то мычал, тыкал себе пальцем в грудь, а затем рукой, сжатой в кулак, делал движение, будто забивал гвоздь.

- Прекрасно! – ободрил его экзаменатор. – А теперь представьте, что вы слепой, и просите у меня ножницы.

Для большей достоверности будущий фотокор закрыл глаза, двумя пальцами начал воспроизводить движение ножниц и услышал от профессора саркастичное:

- Артист должен быть внимательным. Что вы сейчас делаете?

- Показываю, как работают ножницы, - недоумевает Тимченко.

- И молчите! А ведь вы только слепой. Язык, я полагаю, у вас должен быть на месте...

Ныне здравствующий замечательный актёр, назовём его Бобыкиным, в своё время служил в армии писарем. Однажды по случаю свадьбы своей сестры его угораздило уйти в самоволку, да ещё и изрядно подпить. И в таком состоянии возвратиться в часть, где в это время из округа с инспекцией приехало начальство. Проверяющий ходил по военному городку и разносил всех в пух и прах.

А тут – ЧП! Невесть откуда этот пьяный писарь. Что делать? Друзья «проявили находчивость»: взяли Бобыкина за руки, за ноги и затолкали под грузовик, стоящий на ремонтной площадке.

Подходит проверяющий к грузовику и видит чьи-то ноги из-под машины торчат.

- Как фамилия бойца? – спрашивает полковник у начальника штаба. Тот назвал первую попавшуюся.

- Молодец! Единственный человек делом занят. Объявить ему благодарность, - сказал проверяющий и уехал.

На другой день писарь, продолжая невольно случившийся розыгрыш, потребовал объявления благодарности перед строем. Начальник штаба дал ему трое суток ареста...

Французский писатель Морис Шаплан необычайно внимательно относился к становлению начинающих литераторов, всячески поддерживая и расшевеливая дарования в них. Встречам и общению с молодыми писателями всегда отдавал по возможности много времени. Правил рукописи, делал замечания, ругал или хвалил авторов, выслушивал упрёки и в свой адрес. Как-то один из начинающих поэтов после неоднократных попыток справиться с подборкой своей лирики, не один раз перечёркнутой мэтром, обиженно заявил:

- Это может длиться до бесконечности. Я пишу, вы вечно находите недостатки, я исправляю, вы опять находите.... Это какой-то абсурд!

Продолжая чиркать карандашом в рукописи, Шаплан невозмутимо ответил:

- Мало бороться со своими недостатками. Нужно бороться и со своими талантами, чтобы они росли...

В июле 1949 года группа артистов цирка во главе со знаменитым Карандашом гастролировала во Владивостоке. Представления проходили в старом цирке шапито при неизменном аншлаге. Достать билеты было невозможно. И делом своей чести артисты ставили задачу не допустить спада в сборах от продажи билетов. Но в один из последних дней гастролей во Владивостока разыгралась непогода. Над городом нависло мрачное небо, и не на шутку полил дождь. Карандаш заволновался: не скажется ли это на сборах?

Вечером перед представлением директор цирка как всегда зашёл к артистам:

- Ну как, начинаем? В цирке почти аншлаг

- Как почти?! – встрепенулся Карандаш.

- Да не волнуйтесь. Осталось только четыре билета, и те от брони остались. Дождь публику немножко испугал.

Расстроившийся комик резко встал, из висевшего на вешалке пиджака достал деньги и протянул Юрию Никулину, тогда ещё только начинающему клоуну:

- Быстро в кассу и купите эти четыре билета.

Когда Никулин вернулся с билетами, Карандаш весело объявил:

- Вот теперь аншлаг! Можно начинать. А билеты возьмите себе на память...

Однажды один бездарный, но довольно известный комик предложил тогда ещё совершенно неизвестному юмористу Джерому Клапка Джерому:

- Молодой человек, я хорошо заплачу вам за несколько метких острот, авторство которых вы обязуетесь не оспаривать в будущем...

- Эта сделка для нас обоих невыгодна, - ответил невозмутимо Джером. – Если у меня увидят хорошие деньги, то решат, что я их добыл нечестным путём. Если же от вас услышат хорошие остроты – поймут, что вы их украли...

Великий мастер клоунады 30-40х годов Серго, настоящие имя и фамилия – Алексей Иванович Сергеев, был ещё и большим мастером выпить. Как-то вечером после работы, посидев хорошо с приятелем за бутылочкой «Столичной», клоун остался ночевать в цирке. Во хмелю он забрёл на конюшню, открыл клетку, где сидел лев Цезарь знаменитого дрессировщика Эдера, и зашёл в неё.

Утром перепуганные служащие обнаружили спящего артиста под боком у царя зверей. Прибежал на конюшню сам дрессировщик.

- Подымись спокойно, - шептал Эдер проснувшемуся комику. – Без резких движений выходи медленно из клетки.

Мучавшийся с похмелья Серго выходить из клетки отказывался:

- Да, я вылезу, а вы меня потом побьёте, - жалобно говорил он.

Только после того, как дрессировщик дал честное слово, что и пальцем не тронет Сергеева, тот как ни в чём не бывало вышел ото льва...

В середине девятнадцатого века в американской прессе неоднократно упоминался как коррупционер и теневой воротила некто Бергсон, политик и общественный деятель. Накануне выборов этот господин, пытаясь как-то оправдаться перед публикой, по совету своих адвокатов обратился к известному журналисту Джорджу Прентису:

- Дружище, вы мне должны помочь в одном деликатном деле. Необходимо как-то поубавить чёрной краски с моего политического лица...

На что публицист, знающий цену своей безупречной репутации, вежливо отклонил предложение:

- Конечно же, в наши дни обеление запросто осуществляется преимущественно с помощью... чернил. Но в вашем случае результат возможен только серый. И я полагаю, для политика серость неподходящий оттенок...

В октябре 1951 года на Киевской железной дороге на одной из больших станций поймали жулика. Приходил этот пройдоха на вокзал одетый в пижаму, это у него была такая рабочая спецодежда. Как только поезд останавливался, он вбегал в спальный вагон, держа в руках чайник с кипятком, и, «задыхаясь от бега», входил в первое купе и умоляющим голосом говорил:

- Я ваш сосед, еду здесь в пятом купе. Понимаете, жена побежала телеграмму давать и деньги все с собой взяла. А я тут две курочки хороших торговал.... Не дадите ли пятьдесят рублей на несколько минут?

Принимая во внимание вокзальную спешку, деньги ему, конечно, давали. Жулик выходил на перрон, как бы за курочками, и больше его не видели. Попался он случайно, нарвавшись на пассажира, у которого ровно год назад таким вот образом «одолжил» полсотни...

После войны по маленьким городам разъезжала «левая» цирковая группа, состоящая из трёх человек и одного медведя. Так как клетки для медведя не было, а переезжали они часто, то перед посадкой в поезд медведя поили водкой. После этого он засыпал, его засовывали в мешок и клали в вагоне под нижнюю полку. Так без лишних затрат перевозили медведя из города в город. Руководитель этой бригады лишь часто сокрушался:

- Жаль мишку..., спивается вместе с нами.

Поль-Луи Курье, знаменитый французский гуманист и писатель конца восемнадцатого начала девятнадцатого веков обладал дерзким негодующим языком. В нём всегда присутствовало чувство обязательной справедливости, и потому у него всегда было много врагов, особенно среди аристократии.

- Вы вечно представляете дело так, словно кроме вас в обществе о благе никто никогда не думает..., - заметил однажды скандальному памфлетисту сановник, ведающий делами печати.

На что «провинившийся» тут же съязвил:

- Никому не дано знать, ни о чём думает придворный, ни, вообще, думает ли он...

После войны в студии Малого театра случился казус. Держала экзамен девушка, которой было задание сыграть воровку. Председатель комиссии положил на стол свои часы и попросил абитуриентку украсть их.

- Да как вы смеете давать такие этюды?! – возмутилась девушка. – Я комсомолка, а вы меня заставляете воровать. Я буду жаловаться...

Она долго кричала, стучала кулаком по столу, а потом, расплакавшись, выбежала из комнаты.

Члены комиссии растерялись. Кто-то заметил:
- А может быть, и верно, зря человека обидели?...

Председатель смотрит, а часов-то и нет. Ну, дела! Он не на шутку испугался, но тут открывается дверь и возвращается с часами девушка.

- Вы предложили мне сыграть воровку. Я попробовала это сделать...

Все долго смеялись.

А из той девушки потом состоялась известная актриса.

Однажды знаменитый киноактёр Адольф Менжу заказал у лучшего нью-йоркского портного брюки. Только через месяц, после нескольких примерок, портной выполнил заказ. Забирая брюки, Менжу с раздражением сказал:

- Богу понадобилось сем дней, чтобы сотворить мир, а вы мне тридцать дней шили брюки.

На это портной ответил, поглаживая ласково свою работу:

- Посмотрите на этот мир и посмотрите на эти... брюки.

Когда-то известный английский комик Боб О'Коннор, способный заставить публику покатываться в цирке от хохота, в жизни страдал... ипохондрией. Он лечился у невропатолога. Тот прописал обтирание холодной водой, дал ряд советов, а в заключение сказал:

- Пойдите для развлечения в цирк, где выступает смешной клоун Боб, и вы непременно развеселитесь.

Артист уныло посмотрел на врача и грустно ответил:

- Этого смешного Боба, доктор, вы видите перед собой...

Начало съёмок фильма «Когда деревья были большими» происходило в специально арендованном магазине. Директор магазина присутствовал тут же среди работников киностудии. Ждали главного героя фильма бомжа Иорданова, роль которого играл Юрий Никулин. Его уже загримированного и переодетого как-то незаметно подвезли. Он вышел из машины и спокойно направился к магазину. Но тут же был остановлен директором магазина:

- Куда?

- В магазин, - отвечает артист.

Директор оглядел его с ног до головы и решительно замахал руками:

- Здесь съёмки сейчас начнутся, тебя только и не хватает. Магазин не работает. Давай, давай, не мешай!

- Да я артист, снимаюсь, - оправдывается Никулин.

- Знаем мы вас, артистов. Я тебя здесь уже не первый раз вижу.

И всё-таки, чуть засомневавшись, директор спросил у режиссёра и оператора:

- Товарищи, это ваш человек?

Те, переглянувшись, заявили в один голос, что видят Никулина впервые.

Тут директор уже рявкнул:

- А ну давай отсюда! Сейчас милицию позову!

И действительно стал звать милиционера.

Только тогда режиссёр, смеясь, успокоил его:

- Да наш это человек, наш. Главную роль играет.

Директор был в замешательстве и потом долго извинялся.

Сенека Младший был не столь удачен в семейной жизни, как в философских занятиях. Жена его часто болела, и первый ребёнок родился мёртвым. Чета стойко выдержала удар судьбы. Философ повздыхал, повздыхал, а потом, обнимая супругу, улыбнулся:

- Ну, что же.... И после плохой жатвы нужно снова сеять...

Однажды на пикнике, где присутствовал Оноре де Бальзак, с одним из отдыхающих случился приступ животной колики.

Больного тут же уложили в тень, пытаясь как-то облегчить его страдания. Позвали, оказавшегося тут же среди толпы доктора. Тот со знанием дела осмотрел пациента, пошевелил многозначительно бровями, пробубнил для солидности пару фраз из латыни и озабоченно почесал затылок:

- М-да.... Мои знания подсказывают, что случай неординарный, но терпимый.... М-да.

Бальзак же, по-своему оценив нерешительность эскулапа, со словами:

- В медицине иногда карета бывает важнее знаний..., - просто подогнал извозчика и поторопил отвезти страдальца в клинику.

И писатель оказался весьма прав: чуть помедли, и больному уже ничем не помогли бы.

Сэмюэль Джонсон, известный английский биограф и эссеист восемнадцатого века, на свадьбе своего двоюродного брата пристально присматривался к невесте. Дело в том, что кузен долго не женился, всё боялся ошибиться в выборе, особенно не хотел остановиться на умной женщине. И вот выбор сделан. Жених доволен и готов выполнять любые желания своей капризной невесты, как это определил Джонсон. Уж больно открыто кривила она губы и поводила плечиком, когда суженый старался во всём угождать ей. Утвердившись окончательно в своём мнении, биограф успокаивается, отпивает из бокала добрый глоток вина за здоровье молодых и, обращаясь к случайному соседу за столом, говорит этак пространно:

- Некоторые хитрецы выбирают себе жён поглупее, надеясь командовать ими, и... всегда ошибаются.

На репетиции спектакля по произведению Марка Соважона в парижском театре драмы главному герою не удавалось найти нужный подход к роли. Особенно его смущали отношения с героиней...

- У меня не получается, - жаловался актёр. – Почему-то она такая... бесцветная, посредственная. Как мне на это откликаться?

В это время из затемнённого угла пустого зала раздался лёгкий кашель. Всё внимание репетиции переключилось на этот звук. Оказывается, здесь незаметно присутствовал сам драматург. Он чуть приподнялся из тени и громко сказал:

- Нет ничего легче, нежели превратить посредственную женщину в женщину исключительную...

Наступила пауза, все притихли, и в этой тишине уже спокойным голосом, вновь усаживаясь на место, автор закончил свою мысль:

- Достаточно её полюбить.

Марк Твен относился с лёгким сарказмом не только к грешкам своих близких, но и к самому себе был весьма ироничен. Однажды, будучи проездом в Бостоне, проснувшись поздно в гостинице, ему пришлось выслушать лёгкий упрёк от пожилого слуги, что принёс ему в номер завтрак:

- Послушайте присказку, сэр, это говорили ещё наши деды: «Рано в кровать, первым вставать...».

- Да-а, - серьёзно согласился Твен. – Это мудро. Отцы знали цену времени...

И тут же шутливым тоном пространно добавил:

- Лучше всего подниматься с жаворонками. Если люди будут знать, что вы встаёте с жаворонками, вам обеспечена прекрасная репутация. А если к тому же подобрать себе толкового жаворонка и как следует поработать с ним, вы легко добьётесь, чтобы он не подавал голос раньше половины десятого...

Немецкий писатель восемнадцатого века Теодор Гиппель был большой педант и чистюля. Затеяв однажды переустройство своего небольшого усадебного хозяйства, он нанял специально садовника, скрупулёзно обговорив с ним до мелочей все намеченные работы. Специалист старательно выполнил все указания привередливого клиента за исключением одной детали.

- Виноват, гер Гиппель, того сорта розы, который вы заказывали, нет. И я осмелился заменить его вот этим прекрасным кустом шиповника, - оправдывался садовник, сдавая работу.

Писатель с недовольным видом пробубнил, рассчитываясь с работником:

- Учтите, милейший, на будущее – если кофе проливается на одежду, это уже не кофе, а грязь...

На что садовник по-простецки ответил:

- У нас кофе только по праздникам, поэтому, где попало, не разливаем.

Снимая сцену заседания Временного правительства в фильме «Ленин в Октябре», режиссёр Михаил Ромм долго осматривал участников съёмки и, остановившись против одного бородача, которого все в шутку звали Черномор, взял его за бороду и воскликнул:

- Какого чёрта вы приклеили сюда это помело?

- Простите, но это моя борода, - возмутился Черномор.

- Да? Надо же...

Режиссёр чуть смутился и тут же переключился на другой вопрос:

- Кто -нибудь выяснил, какие ордена носил Керенский, и сколько у него было адъютантов?

В наступившей тишине раздался уверенный голос Черномора:

- Александр Фёдорович носил только университетский значок, адъютантов у него было два.

- А откуда вы это знаете? – удивился Ромм.

- К вашему сведению, - ответил бородач, - я Малянтович, бывший министр того правительства, о котором вы делаете кино.

- Так Вы играете самого себя? Вот так чудеса! – воскликнул режиссёр, а все вокруг рассмеялись.

Юрий Владимирович Никулин был увлекающимся человеком не только в искусстве клоунады и кино. Известно, что он собирал анекдоты и умел рассказывать их. А ещё он неплохо водил автомобиль, и, надо полагать, как и все шофёры иногда сталкивался с автоинспекцией. Однажды в спешке артист не заметил ограничение скорости и был остановлен старшим лейтенантом ГАИ.

- Почему превышаем скорость? Ваши документы.

Милиционер, того не подозревая, напомнил Никулину анекдот, начинающийся с этих самых слов. И артист, надеясь юмором растопить сердце блюстителя порядка, решил ответить как в анекдоте?

- Да понимаете, товарищ старший лейтенант, у меня испортились тормоза, и я спешу на станцию техобслуживания...

Инспектор серьёзно посмотрел на артиста, узнал его, и, подчёркивая свою деловитость, со словами:

- Тогда поторопитесь, Юрий Владимирович, - небрежно козырнул и вернул документы.

Клоун, любимец публики, заводивший смехом тысячи людей, понял, что тут заряд его юмора угодил «в молоко»...

Барри Вудсток, голливудский мастер батальных съёмок, однажды для сцены большого сражения пригласил десятитысячную массовку.

- Вы разорите меня со своей этой... ордой! – стал кричать на него продюсер.

Мастер, в это время спокойно озирая своё будущее «войско», ответил:

- Не беспокойтесь. Я приказал во время съёмки стрелять настоящими снарядами...

У цирковых артистов много маленьких секретов, о которых они не так часто говорят. Например, зрители любят, когда в клоунаде упоминается название места или городского района, чем-либо прославившегося, то ли это хулиганская улочка, то ли базар-толкучка. Перед началом выступлений о таком «весёлом» месте обычно узнают у местных работников цирка. Клоуну Карандашу это требовалось знать для его репризы, где он на ослике выезжает на манеж, а его спрашивают:

- Карандаш, ты куда собрался?

И клоун под всеобщий смех называл место известное в городе. В Москве, например, это была Марьиная роша, в Тбилиси – Сабуртало – название местного базара.

Но вот в Ереване вышла осечка. После долгих расспросов о местной достопримечательности, кто-то из служителей ереванского цирка подсказал название – Абаран.

На представлении Карандаш выехал на ослике, и на вопрос, куда он едет в столь поздний час, на весь зал прокричал:

- На Абаран!

Что тут поднялось в цирке! Амфитеатр неистовствовал!

Оказывается Абаран в Ереване то место, куда водили случать ишаков...

В 1950 году по случаю годовщины окончания Второй мировой войны в один из артистических салонов Нью-Йорка пригласили Американского публициста, журнального критика Генри Менкена поучаствовать в модном тогда споре о равноправии мужчин и женщин. Много упрёков раздавалось от участниц феминистского движения, от представительниц профсоюза работниц научных учреждений.

Когда пришлось сказать слово критику, он просто согласился с тем, что неравенство есть, что оно, конечно же, позорно и недопустимо. Спору нет.... Подводя итог сказанному, публицист же просто усмехнулся:

- И вообще, судя по всему, мужчинам живётся намного лучше, чем женщинам: во-первых, они... позже женятся, а во-вторых, раньше умирают...

Известный актёр Евгений Моргунов, сыгравший Бывалого в знаменитом фильме «Пёс Барбос и необычайный кросс», умудрялся ездить в трамвае или троллейбусе без билета. Делал он это просто. Поскольку контролёры часто устраивали облавы на безбилетников, Моргунов придумал следующее: он входил в трамвай и зычным голосом заявлял:

- Граждане пассажиры приготовьте билеты!

Шёл и проверял у всех билеты. Потом выходил на остановке и садился в другой трамвай и снова проверял билеты. А если в вагоне уже оказывался контролёр, то артист, как и подобает Бывалому, быстро реагировал:

- А-а-а, у вас уже проверяют, ну и добро, пойдём дальше, - и выскакивал из вагона, как ни в чём не бывало.

Знаменитый нейрохирург Щербак начинал свою врачебную деятельность лейтенантом на фронте под Москвой в зиму 1942года. Надо сказать, в ту пору он был худющим недорослем с большими оттопыренными ушами и чистыми глазами, удивляющегося на мир, мальчишки.

Однажды из-за тяжёлой контузии у одного из солдат случается умственное расстройство, и его направляют в тыл к психиатру. Сопровождающим отправили Щербака. На всё это требовалось день-два, поскольку сообщение с госпиталем было налажено неплохо, и никаких проблем не предвиделось.

Но прошло три дня, а молодой доктор всё не возвращался в полковую санчасть. Командир связался с госпиталем:

- Три дня назад к вам отправлен пациент...

- Два пациента, - поправили его в ответ.

- Что вы подразумеваете под этим? – не понял начальник санчасти.

- Подразумеваем рядового с контузией и мальчишку лейтенанта страдающего манией величия и утверждающего, что он доктор. Случай, надо сказать, сложный...

- Да вы что там очумели? Он действительно мой помощник, - негодовал полковой доктор.

- Да? Надо же! Придётся отпустить, - спокойно отозвались из госпиталя...

После выхода на экраны фильма «Деловые люди» у Юрия Никулина, сыгравшего в одной из новелл вора-домушника, произошла любопытная встреча с одним из зрителей.

- Слушай... Юра... Ты ведь всё делаешь не так. На дело-то ходишь... неправильно!» – сдабривая речь нецензурными словами, зацепил он артиста прямо на улице.

- На какое дело, - не понял сначала Никулин.

- Ну, в этой... последней комедии, когда ты влезаешь в квартиру. Тебя надо поучить.... Могу взяться за это.

- Воруешь? – наконец-то сообразил актёр.

- Не-е, завязал! Что надо отсидел и завязал. Сейчас честно зарабатываю. Всё чин-чинарём..., но дружки у меня остались. Ты приходи к нам подучиться, я покажу, как надо брать «соню».

- Какую Соню?

- Ну, квартиру. Вот ты даже простых вещей не знаешь. Значит так, завтра днём и берём «соньку» под бока. Я показываю, ты учишься...

Никулин ахнул:

- Это что же по настоящему воровать? А если попадёмся?

Новоявленный «консультант», смачно сплюнув под ноги, уверенно заявил:

- Замётано. Я скажу, учу, мол, артиста. Но учти, если не застукают, «улов» делим пополам...

Никулин, сославшись на нехватку времени, отказался от заманчивого предложения...

В 1950 году группа военачальников во главе с маршалом Мерецковым инспектировала воинские части Дальневосточного военного округа. В одном из гарнизонов после учебных стрельб и манёвров силами полковой самодеятельности начальству показывали концерт. Этим мероприятием руководил сам начальник части, тучный полковник, неповоротливость которого нельзя было не заметить.

После концерта, прощаясь с офицерами, поблёскивая глянцем бритой головы, маршал полушутя, полу всерьёз оборонил:

- Я не припоминаю вас в военное время, полковник? Небось, ещё в капитанах ходили?

И пожимая на прощание руку толстяку, добавил:

- А вот бегать вам уже не надо. Если в мирное время это смешно, то в военное - это больше будет походить на панику...

В середине позапрошлого столетия законодатели США долго спорили по поводу одой из поправок в биле о правах. На заседаниях парламента было шумно, и откровенное противостояние наиболее консервативных сенаторов и демократов грозило вырасти в кризис. Депутат от воинственно настроенных левых сил, поднявшись на трибуну, яростно стучал кулаком:

- Мы не позволим дурачить и оставлять в неведении народ! Мы требуем внести поправку в нашей редакции полностью, а все дебаты, включая и серьёзность разногласий, донести до сведения общества...

Когда на трибуну вышел Джон Келли, конгрессмен, занимающий позицию спокойного умеренного толка, зал притих. К мнению этого политика всегда прислушивались.

- Джентльмены! Наши распри – шторм в стакане воды. Если мы, учитывая мнение демократов, чуть изменим текст предыдущей статьи, то спорную статью можно отложить до лучших времён...

Из зала кто-то выкрикнул:

- Какого же дьявола мы спорим уже неделю, проедая деньги налогоплательщиков! Как это мы объясним публике?

На что Келли с улыбкой ответил:

- Ну, стоит ли портить настроение на празднике жизни. И вообще не всё, что происходит на кухне в это время, должно доходить до слуха в гостиной...

На съёмках фильма «Пёс Барбос и необычайный кросс» актёр Евгений Моргунов в минуты отдыха любил отвлечься шуткой, розыгрышем. Однажды, ожидая появления солнца, актёры, все перемазанные сажеей, в обгорелой одежде, поскольку снималась сцена взрыва, перекуривали. Георгий Вицин, играющий Труса, ходил в стороне по полянке и напевал: «Куда, куда вы

удалились...». Проходивший случайно мимо крестьянин, остановился. Разве можно было не удивиться: ходит оборванный, обгорелый человек, и поёт арию Ленского. Подошёл мужик к отдыхающим артистам и спрашивает:

- Что случилось, ребята?

Моргунов, не моргнув глазом, отвечает:

- Ты что, не видишь? Это же Иван Семёнович Козловский. У него дача сегодня утром сгорела. Вот он и того... Сейчас из Москвы машина приедет, заберёт.

У Козловского действительно недалеко была дача, и местный мужик должен был знать об этом.

- Как же так, такая дача – и сгорела! – сожалеет мужик.

- А, чего жалеть-то, - отвечает Моргунов. – Артист богатый. Денег, небось, на новую дачу давно накопил.

И уже обращаясь к Вицину, крикнул серьёзно:

- Иван Семёнович, вы попойте там ещё, походите.

Ничего не понимая, Вицин кивал в ответ головой и продолжал петь.

Не чувствуя подвоха, крестьянин быстро ушёл, должно быть, посмотреть а «пепелище» дачи известного певца.

Эрнест Хемингуэй помимо литературы ещё неплохо разбирался и в политэкономии. Много размышлял об этом на Кубе, где некоторое время жил среди рыбаков и военных. Однажды в маленькой открытой таверне на берегу моря писатель встретил давнего приятеля, с которым когда-то учился, и который ныне служил в офицерском чине на морской американской базе. Зашёл, как водится, разговор о жизни, о беспокойном времени. Приятель сетовал на неустроенность в армейском быту, тут же поминал крепким словом ближнее начальство, а затем и дальних политиков, неспособных управлять страной.

- Говорят, говорят, а что толку? Беспорядок как был, так и остался. Там, где можно было бы прижать народ покрепче, наоборот распустили. Посмотри, сколько развелось бродяг, работать никого не заставишь. Всем только деньги подавай. Отбилась народ от руки властной...

- Да, - соглашался Хемингуэй, откинувшись на спинку плетёного скрипучего кресла и покусывая чубук пустой трубки. – Есть, правда, одна панацея для плохо управляемой страны. Это валютная инфляция. И ещё – война. Обе приносят некоторое временное процветание.

Тут он поднял к глазам на свет кружку с пивом, и, задумчиво разглядывая ее, иронично добавил:

- Но надо честно сказать, эти же так называемые пилюли приносят и окончательную гибель государству...

Сергей Фёдоров один из конструкторов в авиакомпании Туполева учился в университете ещё до войны. Его историю поступления в Вуз знали все, поскольку он и сам был не прочь при случае рассказать её. Срочную службу

полные три года после десятилетки он отслужил в авиаполку под Москвой. В университет пошёл сознательно, уже состоявшимся взрослым человеком. На сдаче экзамена по математике ему нужно было начертить окружность. Выходит будущий авиаконструктор к доске, берёт мел и, не отрывая руки, рисует чёткий правильный круг. Математик, принимающий экзамен, удивился:

- Талант! Как вам это удалось без циркуля, молодой человек?

Фёдоров озорно заулыбался:

- Конечно, удастся, если в армии первый год служить на кухне и в основном только крутить мясорубку...

Замечательный поэт Николай Рубцов в своё время служил на Северном флоте и начинал, как положено, матросом. Об известности и славе тогда не было и речи. Была просто служба, со всеми её перипетиями, обязанности и армейская повседневность. И жизнь не раз подшучивала над будущим литератором так же, как и над любым из простых смертных.

Как-то вызывает его командир:

- Матрос Рубцов, ты веришь в загробную жизнь?

Недоумевая, о чём пойдёт разговор, серьёзно настроенный лирик, отвечает:

- Нет, товарищ капитан-лейтенант, комсомольцу не положено...

- Н-да..., - с хитрецей посмотрел на подчинённого офицер. – Там к тебе тётка приехала, к которой ты, между прочим, две недели назад мотался на похороны...

Розыгрыши и подначки в артистической среде дело обычное. В момент хорошего настроения клоун Карандаш, например, предлагал своему молодому коллеге Никулину:

- Юра, вы не находите, что за кулисами стало как-то очень тихо?

Никулин понимающе кивал и шёл за кулисы к своему реквизиту. Убедившись, что за ним никто не следит, он взрывал хлопушку, толкал при этом стремянку и бросал на пол жестяное корыто. Это вызывало необычайный переполох. Сбегались униформисты, испуганный инспектор манежа, полуодетые артисты. В облаке дыма находили Никулина с виноватым лицом. В этот момент быстро появлялся Карандаш:

- В чём дело? – спрашивал он с напускной строгостью.

- Да вот случайно взорвалась, - показывал Никулин остатки хлопушки.

Карандаш отчитывал для порядка своего помощника и, пряча улыбку, так же быстро уходил к себе.

Когда после переполоха все разошлись, Карандаш тихонько возвращался и, потирая руки, весело говорил:

- Как они трухнули-то, а? Ну, теперь встряхнулись. Это хорошо! Спектакль живой пойдёт...

Джон Адамс американский политик, известный как президент страны в последние пять лет восемнадцатого столетия, по натуре был активным деятельным человеком, прожившим долгую плодотворную жизнь. Будучи уже в солидном возрасте он с завидным усердием интересовался литературой и философией, что-то писал сам, вникал в точные науки, любил физику. И на банальный вопрос: «Зачем вам это, сэр? В ваши-то годы...?», - Адамс неизменно отвечал:

- Мозг старика подобен старой лошади: для сохранения работоспособности ему нужно постоянно упражняться...

В одной из программ Московского цирка, во времена, когда там директорствовал Николай Семёнович Байкалов, выступал с дрессированными собачками клоун Ермаков. Среди его четвероногих артистов выделялся здоровый лохматый пёс по кличке Бабай.

Ермаков показывал сценку «В классе», где исполнял роль учителя, а собаки были учениками. Нерадивого ученика, который всегда опаздывал на урок, играл Бабай. Пёс вбегал в класс последним, а учитель укоризненно ему выговаривал:

- Ай-яй-яй! Опять Бабай опоздал.

Эта реплика неизменно вызывала смех в зале.

За директором цирка значилась тоже нехорошая привычка опаздывать на общественные мероприятия. Как-то на очередное профсоюзное собрание Байкалов, как всегда, пришёл последним. Кто-то из присутствующих вполголоса бросил реплику:

- Опять Бабай опоздал...

Раздался дружный смех.

С тех пор за директором так и привязалось прозвище – Бабай.

Когда Анри Ренье, замечательного французского поэта начала прошлого столетия, оставила первая жена, близкий друг советовал ему непременно жениться, чтобы отвлечься от свалившегося вдруг несчастья.

- Оставь все мысли о ней. Эта женщина способна на всё...

Но Ренье не торопился.

Когда же покинувшая его женщина вышла замуж за состоятельного фабриканта старика, поэт тут же обвенчался с молоденькой дочерью сердобольного... друга.

- Однако, ты хулиган и повеса..., - полушутя укорял тесть новоявленного зятя.

Анри улыбался в ответ и говорил:

- Ты прав: женщины способны на всё. Мужчины – на всё остальное...

Знаменитый иллюзионист Эмиль Теодорович Кио в своих выступлениях использовал много трюков и фокусов, которые нужно было держать в секрете, иначе эффект чуда на концертах исчезал. Одним из таких секретов был сводный

брат Кио Гарри Фёдорович, изумительно похожий на самого артиста. Во время показа аттракционов, где требовалось быстрое перемещение иллюзиониста, происходила, незаметная для зрителя, подмена братьев. Для конспирации в городах, где происходили гастроли Кио, его «двойник» обычно ходил в гриме, с усами и обязательно должен был избегать встреч с главным героем цирковых представлений. Правда, иногда Гарри пользовался известностью Кио в своих целях.

Однажды он с клоуном Никулиным не смогли достать билеты в кино. Юрий Владимирович зашёл к администратору кинотеатра и доверительно попросил, показывая на Гарри:

- Мы из цирка. Видите, это известный Кио... Эмиль Теодорович. Нам нужно только два билета.

Администратор удивлённо посмотрел на клоуна:

- Видите ли, Кио только что был здесь и уже взял два билета...

Никулин, смутившись, извинился и увёл Гарри из кинотеатра:

- Пойдёмте домой. Вы уже смотрите эту картину...

В декабре 1964 года большая группа артистов цирка выступала с гастролями в Сиднее. В свободное время заказали экскурсовода и решили осмотреть достопримечательности города. Пожилой гид из русских эмигрантов долго возил артистов на автобусе и монотонно рассказывал об истории улиц, зданий. Артисты настолько устали и их так разморило от жары, что в конце поездки экскурсовода почти никто не слушал. Присутствовавший в группе Юрий Никулин, будучи уже немного знаком с городом, желая как-то расшевелить друзей, вдруг громко говорит на весь автобус:

- А вот сейчас, я знаю, проедем эту большую стену, и мы увидим район, где все бросили пить и курить!

Все оживились и, одержимые любопытством, кинулись к окнам. Вскоре стена действительно кончилась, и все увидели огромное городское кладбище...

Один из артистов Малого театра вернулся с курорта и, соскучившись, прямо с поезда заехал в театр. Ходит по театру весёлый, загорелый, пиджак через плечо. Здоровается со всеми, рассказывает, как хорошо отдохнул. Зашёл на подмостки, видит, что свет притушен, а на сцене стоит стол, за которым в боярских костюмах сидят знакомые актёры. Так как дело было днём, артист решил, что идёт репетиция. Он бодро вышел на сцену и, лихо притопнув, воскликнул:

- Здорово, бояре!

Те только странно посмотрели на него и ничего не ответили.

Артист скосил чуть глаза и увидел, что зал полон публики. Оказывается, в тот день давали шефский дневной спектакль для военнослужащих. Постоял артист секунду и тихо ушёл за кулисы. Публика безмолвствовала. Никто ничего не понял. Зато «бояре», плача от смеха, стали сползать под стол. Пришлось дать занавес...

В первой половине прошлого века в Мосцирке работал замечательный режиссёр Арнольд Григорьевич Арнольд, человек невероятного темперамента, удивительной энергии и таланта. Однажды при подготовке новогоднего ёлочного представления, чувствуя провал спектакля, руководство цирка обращается к Арнольду, и он буквально чудом выручает всех. Оставляет на ночь всю группу артистов в цирке и в прямом смысле слова перекраивает спектакль. Заменяет сюжет, придумал новых персонажей.

Когда клоун Барашкин, исполнявший роль пня, удивился, почему он должен перед Бабой Ягой дрожать, Арнольд ему сказал:

- Не спрашивай почему! Делай, как говорят, а то получишь по шее, и всё.

Обращаясь к тогда ещё начинающему Юрию Никулину, Арнольд говорит:

- А вы будете зайчиком!

Никулин усмехнулся:

- Зайчик? Это с моим-то ростом?

- Да! – крикнул Арнольд Григорьевич. – Будешь зайчиком с твоим ростом! И не ухмыляйтесь своей идиотской улыбкой. Ты зайчик-переросток. Давай, ищи костюм, напяливай, будешь прыгать по лесу и лаять.

- Почему лаять, я же зайчик? – недоумевает Никулин.

- Идиот! – бушует Арнольд, как всегда не выбирая выражений. – Когда зайчик лает, это смешно. Кто-нибудь спросит Деда Мороза: «Отчего этот балбес лает?» - а Дед Мороз ответит: «Наверно, сумасшедший».

Все смеялись, но после такой репетиции спектакль удавался на славу...

В 1980 году накануне Олимпийских игр в Москве милицейские и правоохранительные службы были как никогда начеку. Малейшее подозрение и безотказно срабатывал механизм задержания нарушителей порядка. Вот в такую переделку попал актёр Александр Филипенко, игравший в ту пору Кошца Бессмертного. По роли ему полагалось быть бритым наголо, что на улицах обычно привлекало внимание добропорядочных граждан.

Спускаясь однажды вечером в метро, артист был задержан, как подозрительная личность.

- Ребята, да вы что? Это какая-то ошибка..., - пытался внести ясность в глупейшую ситуацию Филипенко.

- Давай, давай, Лысый! В отделении разберёмся. Я твою физиономию по картотеке припоминаю, - угрожающе наступал на артиста сержант милиции.

В отделении, в конце концов, выяснилось, что «лысый» на самом деле не тот, за кого был принят, и что действительно известный солидный актёр.

- Я же говорил, что где-то встречал ваше... лицо, - оправдывался сержант.

- Ну, ты и физиономист..., - шутил на прощание Филипенко.

Французский писатель Андре Моруа к своему шестидесятилетию выбрался-таки отдохнуть на средиземноморье. С первых же дней пребывания в

пансионате он невольно почувствовал внимание одной из отдыхающих тут же привлекательных особ. Дама несколько дней, не скрывая того, явно лезла на глаза, но, встретив равнодушие, решила заговорить первой.

- Месье, позвольте показать вам вот это, - дама положила перед Моруа пожелтевшую от времени рукописную страницу.

Всмотревшись, писатель узнал свой почерк, и уже в следующую минуту вспомнил, кому это письмо когда-то было написано. Вглядываясь в черты собеседницы, он сокрушался:

- Бог мой, это вы? Ах, сколько лет..., а вы всё ещё храните это. Это так давно написано...

- Но, как написано! – восклицает дама, восхищённо заглядывая в глаза писателю. – Этому веришь потом всю жизнь...

- Да, - мечтательно ударяется он воспоминания, - В юности всегда веришь в то, что пишешь в любовных письмах. Жаль только, с возрастом эта вера слабеет...

И Моруа, улыбаясь, нежно пожимает руку собеседнице.

В 50х годах, когда в Московских кинотеатрах прошёл французский фильм «На последнем дыхании», популярность Жана Поля Бельмондо, игравшего в этом кино главную роль, была неопишуемой. Интеллигенция приняла новую звезду экрана по-разному. В среде актёров на репетициях таланту Бельмондо давали разные оценки.

Иван Александрович Пырьев, слушая как-то хорошие отзывы на французское кино, недовольно проворчал:

- Я удивляюсь, пол-Москвы в восторге от этого губошлёпа Бельмондишки.... И что в нём нашли? Разве только вот это..., - и Пырьев, смешно подражая французу, мелко вихляя бёдрами, прошёлся по сцене.

Собравшиеся на репетиции актёры хохотали до упаду...

Гомес де ла Серна, испанский писатель современник двадцатого века, умел шутить в любом случае, невзирая на место, лица и звания. Попав однажды в госпиталь с признаками острого аппендикса, он был прооперирован известным хирургом, который на следующий день навестил больного в палате.

- Ну-с, как наши дела? Пришлось повозиться, знаете.... Но, слава Богу, всё обошлось благополучно, - потирал руки врач, - Не так часто нас вот так с открытым беспомощным лицом посещают знаменитости. Нда-с...

- А вот вашу известность, доктор, ещё труднее лицезреть, - улыбался благодарный писатель, - Я теперь понимаю, почему хирург оперирует в маске: чтобы в случае неудачи сохранить инкогнито...

Писатель дальневосточник Евгений Лебков, здравствующий и не оставивший перо доныне, много сил и труда отдал лесному хозяйству. Долго и плодотворно работал на Сахалине, где немало рукотворных сосновых лесов по

праву названы лебковскими. В бытность лесничим ему не раз приходилось участвовать в различных встречах и совещаниях по обмену опытом, по обсуждению перспектив лесоводства, по проблемам, связанным с хищениями и бесхозяйственностью в лесной промышленности. Вот об одном из таких совещаний, где присутствовало много чиновного люда из прокуратуры, из следственных органов, и пойдёт речь.

На совещания Лебков являлся, как и положено при полном параде. В ладном форменном костюме лесничего, крепко сбитый, с благородной сединой в густой стриженной бороде, Евгений Дмитриевич выглядел строго и внушительно. Соседом в зале заседаний на сей раз ему случился откуда-то из Сибири прокурор. В перерыве разговорились о делах уголовных и наказуемых. Лебкову, как человеку заводному, поэтическому, всё интересно, потому и разговор вяжется.

- А что, дорогой мой товарищ, много работы у вас по ведомству..., - спрашивает Евгений Дмитриевич.

- И не говорите! Кажется, и пересадили немало, ан нет, работы ещё больше...

И прокурор долго делится с писателем своими заботами. Но, наконец, выговорился и спрашивает:

- Что это я всё о своём да о своём, а как у вас дела?

- У нас, мил человек, то ж самое. Сажу вот тоже потихоньку всю жизнь, а конца и краю не видать...

- Вот, вот и я говорю, если посчитать..., - вновь увлекается прокурор, но тут же, осёкшись, спрашивает: - И много посажено? Вы как, в уме считаете или пометочку где оставляете, так сказать, для совести...?

- А что мне их помечать, они у меня вот где, - Лебков легонько хлопает себя по шее. - Все восемнадцать тыщ...

- Сколько? - недоуменно восклицает прокурор.

- Восемнадцать тысяч стволов, один к одному...

- Каких стволов? Что вы меня путаете, товарищ?

- Сосновых, мил человек, каких же ещё...

- Так вы..., того, лесничий? - обрадовано догадывается прокурор. - А я-то принял вас за своего. Ну, лесник, уморил!

И оба долго от души смеются...

Однажды Джонатан Свифт с приятелем попали случайно на собрание одного известного в своё время астрологического общества. В тишине затемнённой залы собралось довольно много народу. И не удивительно, речь шла о кометах, этих небесных странницах, поражающих умы своим явлением. Присутствие двух бородатых мужей во главе собрания было подчёркнуто подобострастным поклонением их опыту и умудрённости. Они наперебой живописали картину мира после встречи ожидаемой кометы с Землёй. Зал затаил дыхание, внимая каждому слову мудрецов. И когда они смолкли, наступила минута полной тишины, среди которой раздался шепот Свифта, склонившегося к уху приятеля:

- Теперь-то я понимаю, что старики и кометы пользуются уважением за одно и то же...

- За что же? – нарушив тишину, громко спросил приятель.

- За длинную бороду и предположительную способность предсказывать события..., - улыбаясь, уже для всех ответил Свифт.

Поль Валери французский поэт первой половины двадцатого века любил посидеть за бокалом дешёвого вина в маленьком ресторанчике на набережной в парижском районе, где в довоенное время частенько собиралась небольшая группа художников и литераторов. В узком приятельском кругу говорили просто и откровенно обо всём на свете: о ценах на сигареты и кислом вине, о плохой погоде и грядущей немецкой оккупации. В чисто мужской компании часто говорили о женщинах. Иногда среди приятелей случались дамы, и тогда эта тема сама собой как-то умалчивалась. Один из приятелей подметил это:

- Друзья, мы помалкиваем при жёнах из скромности, боясь выглядеть глупо, или просто сомневаясь в женском интеллекте?

- Не будем касаться ума, - категорично перебивает его другой подвыпивший приятель. – Общеизвестно, этот привесок в женской голове зависит от длины волос...

- Ты не прав! Я встречал очень много женщин, в обществе которых можно сколько угодно проявлять возможности своих извилин, - возражает первый.

- Ну уж, нет, - спокойно прерывает обоих Валери. – Я скажу вам истину, против которой у вас не найдётся никаких возражений...

- Ну, ну..., - посмеиваются над Полем приятели.

- Умная женщина, друзья мои, это та, в обществе которой, не сомневаясь в том, что она понимает вас, можно держать себя сколь угодно глупо...

В Ленинграде на гастролях Мосцирка Юрий Владимирович Никулин познакомился с одним художником, у которого была звучная для его рода деятельности фамилия Серов. Говорили, этот Серов мастер на гениальные выдумки и может выдавать неплохие идеи для клоунад и реприз.

- Только учти, - предупредили Никулина. – Он глух, как пень. С ним нужно разговаривать как можно громче...

И вот накричавшись при знакомстве с художником, Никулин так и не добился от него гениальности.

Спустя несколько лет Серов сам позвонил Никулину в Москве. Тот пригласил художника, надеясь, что на этот раз наконец-то обогатит свой репертуар новой необычной репризой.

Два часа Никулины всей семьёй разговаривали с Серовым, угощая чаем, и накричались до хрипоты. Но и на сей раз нужной идеи не нашлось.

Прощаясь в прихожей, Никулин крикнул художнику в ухо:

- Заходите, когда-нибудь придумаете ещё!

Серов посмотрел на клоуна печально-удивлёнными глазами и тихо сказал:
 - А что вы всё кричите? Я ведь прекрасно слышу. У меня в очки вставлен слуховой аппарат...

В шестидесятые годы выступал в цирке с большой программой акробатических трюков Влад Филатов. Артист использовал опыт индийских йогов: ходил по раскалённым углям, поднимался по лестнице из острых тонких мечей. Его коронным номером было упражнение с деревянной доской, сплошь утыканной гвоздями. Он ложился голой спиной на этого своеобразного «ежа», и два помощника приносили ему на грудь тяжёлую штангу.

В одной из поездок с гастролями по Сибири эту доску затеряли где-то в большой неразберихе реквизита. Потребовалось срочно изготовить цирковой снаряд заново. Поручили это плотнику в местном цирке. Когда он принёс готовую доску, артист ужаснулся:

- Это что, шурупы?!

- Понимаете, - переминаясь с ноги на ногу, оправдывался плотник, - У меня кончились гвозди, и я подумал, какая разница...

- Какая разница?! А ты подумал, садовая твоя голова, как я поднимусь с этих шурупов? – негодовал акробат, но в последний момент не выдержал и, глядя на испуганного плотника, расхохотался.

Мастер понял шутку и тоже расплылся в улыбке.

В компании «Автотурсервис» аудиторской проверкой было установлено ряд финансовых нарушений. Генеральный директор некто Андрей Вёршин в срочном порядке созывает совещание директоров и начальников отделов компании. Зачитывает список имён и с сожалением говорит:

- Мы вынуждены расстаться с вышеназванными работниками...

- Как, и главбух...? – недоумевает кто-то из директоров.

- К великому нашему сожалению и главный наш счетовод причастен к нарушениям. Кстати, может быть, у кого из вас есть знакомый хороший бухгалтер? – спрашивает Андрей Валерьевич.

- У меня есть на примете один..., - раздаётся неуверенный голос одного из заместителей.

- Ну и...?

- Маленькая загвоздочка, Андрей Валерьевич. Ему ещё полгода сидеть...

Собрание на минуту затихло, а потом все разом грохнули безудержным хохотом.

Когда снимался фильм «Девушка с гитарой», на роль пиротехника пригласили Юрия Никулина, только-только пробующего свои силы в кино. Клоун рано утром приехал на студию, и его сразу повели в гримёрную. Молоденькая гримёрша, мельком взглянув на него, сказала:

- А что его гримировать? У него и так лицо глупое. Положим общий тон – и

хватит.

Так и сделали. На лицо положили общий тон, из-под кепки выбили клочок волос, переодели в красную рубаху. Затем Никулин переобулся в кеды, которые принёс из дома, взял в руки маленький чемоданчик, необходимый по роли. И в таком виде его проводили в павильон на съёмку.

Первым на площадке его увидел известный артист Михаил Иванович Жаров.

- Это кто такой? – сурово спросил он.

Никулин перепугался. Стоит и молчит.

- Да это наш «взрывник». Сейчас он тут как «джикнет»! – пошутил кто-то из артистов словами из роли Никулина.

Жаров посмотрел на клоуна ещё раз, вдруг громко рассмеялся и одобрительно сказал:

- Во, точно! Такой может взорвать... и не только студию.

Известный французский киноактёр Жан Габен, несмотря на внушительный серьёзный вид, был мягким ироничным человеком. Однажды улета с прокатом одного из своих фильмов в США, уже поднявшись на борт самолёта, он серьёзно обратился к стюардессе:

- Нельзя ли у вас попросить на всякий случай парашют?

Стюардесса, профессионально улыбаясь, ответила:

- Мсье наверно шутит? У нас парашюты не положены.

- Да? А вот на корабле выдают спасательные жилеты, - продолжает серьёзничать актёр.

- Вы ведь не на корабле. Мы же летим, мсье..., - наивно поднимает брови стюардесса.

- Чёрт побери! – усмехается Габен. – А мне почему-то всегда казалось, что я плаваю несколько лучше, чем летаю...

Известный советский актёр Ростислав Плятт в одном из спектаклей, будучи загримирован бородкой, почувствовал, что фальшивая растительность вот-вот отклеится. Об этом же ему тихонько говорила в паузах и партнёрша. Тогда артист, отвернувшись от зрителей, делает своеобразный жест, словно прислушивается. Затем, произнося реплику:

- Извини, дорогая, кажется, кто-то пришёл..., - уходит за кулисы.

На беду гримёра рядом не оказывается. Катастрофа! Тогда артист быстро совсем отклеивает бороду и возвращается на сцену.

- Кто это был? - растерянно подыгрывает ему партнёрша.

Плятт, характерно потирая свой оголившийся подбородок, беззаботно отвечает:

- А, ерунда! Это всего лишь парикмахер...

Зал понял шутку лишь несколько минут спустя, но спектакль уже шёл своим чередом, и смеяться было поздно.

В Адлере на съёмках кинофильма «Бриллиантовая рука» был специально изготовлен манекен – «двойник» актёра Никулина. Его предполагалось сбрасывать с высоты 500 метров из багажника автомобиля, откуда по роли должен был свалиться герой фильма. Манекен долго без дела лежал в подвале гостиницы, где была гримерная, и хранился реквизит. Эту «куклу», завёрнутую в простынь, случайно увидела уборщица, и приняла за труп актёра.

Мгновенно слухи о смерти Никулина распространились по городу. Поскольку уборщица работала ещё и в аэропорту, узнавший о «собственной» смерти артист, поспешил позвонить матери в Москву:

- Мама, здравствуй! Если тебе будут говорить о том, что я умер, не верь. Помнишь у Марка Твена – эти слухи сильно преувеличены...

Мать артиста в ответ заволновалась:

- Юра, сынок, я не поняла, кто умер? И причём здесь давно покойный мистер Твен?

- Мама, не волнуйся. Это шутка..., - как мог, успокоил её Юрий Владимирович.

И хорошо сделал, поскольку буквально на следующий день её спрашивали о подробностях гибели сына в Адлере на съёмках.

Ефим Давидович Табачников по окончании режиссёрского отделения ГИТИСа после распределения получил направление во Владивосток. Уезжая так далеко и, судя по всему, надолго, будущий режиссёр театра им. М.Горького наведалься к старикам родителям в Болхов, тихий заштатный городок на Орловщине. Отчий дом встретил скорняцким духом, вкусной маминой мацой и отцовским ворчанием:

- Наш Фимка набрался-таки ума, и, оказывается, ещё помнит дорогу домой...

Весь вечер Ефим рассказывал чему и как он учился, куда его определили и кем он теперь будет.

- Работать буду режиссёром в театре. Это удивительный захватывающий труд: подобрать актёров, найти к каждому ключик, собрать воедино характеры, лица, выстроить надёжную конструкцию спектакля.... Артисты такой трудный народ. Работают сложно, капризно...

Табачниковы слушали сына, добродушно помалкивая. Мать, подперев подбородок руками, не сводила с Ефима глаз, а отец, сложив на стол грубые от работы со шкурами ладони, тихо посапывал, словно дремал. Наконец Ефим выговорился и замолчал. Тут старший Табачников приободрился и говорит:

- Ну, что люди могут и делают, понятно. Тут, как говорится, всё при месте.... Только не понятно, что во всей этой кутерьме делаешь ты? К чему руки прикладываешь? Ведь чему-то же тебя шесть лет учили...?

Гораций Уолпол, английский писатель конца восемнадцатого века, оставшись вдовцом в преклонном возрасте, после серьёзных раздумий решил таки жениться. Это внесло разлад в отношения со взрослым сыном, живущим недалеко, но, своей семьёй, своими заботами.

- Отец, ты делаешь опрометчивый шаг, - укорял старика сын.

Было понятно, что его волновал имущественный раздел в случае появления ещё одного родственника.

- В твоём возрасте должно быть основательное оправдание такому поступку...

- Ты прав, сынок, - соглашался Уолпол. – У старика, который хочет жениться, самое основательное оправдание в том, что ему нужна... нянька.

После такого доверительного разговора женитьба расстроилась. Сын просто забрал старика к себе...

Великий Гёте неприязненно относился к шумной и вычурной бесталанности, но в то же время никогда не чурался публики. В его времена так же, как и сегодня, говоря нынешним языком, было много «продвинутой молодёжи», собирающейся «потусоваться» в салонах и лучших домах на званых встречах, так называемых «лягушатниках».

Однажды кто-то из недоброжелателей поддел мэтра:

- По-вашему в этих вечерах так мало чистоты и поэзии. Тогда зачем вы здесь... в болоте, после ваших-то вершин?

На что Гёте с достоинством ответил:

- Вы правы, не везде, где есть вода, есть и лягушки. Но знаете, там, где квакают лягушки, есть всегда и вода...

Однажды Шаляпины выбрались на ипподром. Заранее наметили день, долго собирались, и все равно жена задерживалась.

- Милый, поезжай один. Я обязательно потороплюсь...

Чтобы не опоздать к началу скачек Фёдору Ивановичу пришлось уехать одному. Жена приехала только к концу состязаний.

- Как это мило с твоей стороны, дорогой! Мне сказали, что ты поставил на лошадь, у которой моё имя...

- К сожалению, у этой лошади были и твои привычки, - усмехнулся Шаляпин. – Она пришла к финишу через полчаса после остальных...

Известный ныне актёр МХАТа, играя в молодости в провинциальном театре, по ходу пьесы должен броситься со скалы в реку, которая подразумевалась в глубине сцены. В самый последний миг он видит, что внизу нет страховочного матраца, и потому в нерешительности колеблется.

- Давай, прыгай! Время! – слышится подстёгивающий шёпот из-за кулис.

Делать нечего, он отчаивается и прыгает на голые доски. Раздаётся невообразимый грохот, стон и насмешливый голос актёра:

- Чёрт побери, река-то уже замёрзла...!

Марк Твен, прогуливаясь однажды с приятелем, забрёл в частные владения, где на них с лаем выскочила небольшая собачонка. Твен, совсем не рассчитывая быть покусанным такой малявкой, отмахнулся легко ногой и тотчас был укушен. Ранка оказалась небольшой, была скорее похожа на царапину, но приятель настоял на визите к врачу.

- Нужно сделать укол. Мало ли что...

После укола тут же у врача писателя осенила интересная мысль, которую он поспешил записать.

- Что ты пишешь? – поинтересовался приятель.

- Список людей, которых надо будет искушать, если укол вдруг не подействует, - пошутил Твен.

Приятель и доктор расхохотались.

Пристрастие Достоевского к игре в карты общеизвестно. Как-то, играя в незнакомой компании, он часто выигрывал и был навеселе.

После очередной партии закурили и несколько расслабились.

- Не переживайте вы уж так..., - успокаивал проигравшего партнёра Фёдор Михайлович. – Знаете старую истину: кому не везёт в карты, обязательно везёт в любви.

- Да? – удивляется неудачник. – Мне уже сорок, а я всё ещё не женат.

- Вот видите, я оказывается прав. Вам здорово повезло..., - улыбается писатель, и все за столом смеются.

Джон Барнет коммивояжёр из Сиэтла, уладив небольшое дело в Лондоне, улетал ночным рейсом домой. В аэропорту лишь немного задремал в ожидании своего самолёта и тут же лишился кошелька. Поскольку билет был у него в другом кармане, дальнейший путь не составил для коммерсанта проблем, хотя, прежде чем добраться окончательно домой, пришлось не раз ещё понервничать.

- Экий ты ротозей! – отчитывала дома жена.

- Знаешь, я и в мыслях не держал, что такое может быть. Англичане совестливый, в общем-то, народ. Но видно и на старуху выдалась проруха, - оправдывался Джон.

Несколько месяцев спустя почтальон доставил Барнетам бандероль из Лондона. В ней оказался тот злополучный кошелек с деньгами и коротенькая записка: «Сэр, прошу простить меня, но как бы поступили вы, опаздывая на самолёт и в самый последний момент обнаружив, что забыли деньги дома...?».

Однажды Конан Дойль, прихватив с собою приятеля, выбрался с Бейкер-стрит в небольшое путешествие по Ирландии. Поскольку оба совершенно не представляли себе условий похода, то с собой тащили тяжёлый багаж и даже

принадлежности для фотопечати. Уже на месте для поездки взяли напрокат фургон, запряжённый громадной медлительной лошадию. Весь день приятели разъезжали по окрестностям, любовались ландшафтом и восторгались. К вечеру остановились у реки, где и решили заночевать. Конан Дойль, распорядившись по-хозяйски с походной амуницией, вытащил фотоаппарат и стал снимать лошадь в самых разнообразных ракурсах: спереди, сбоку, сзади.

- Это что, уникальное животное, - удивлённо спросил приятель.

- Я в этом тоже сомневаюсь, - ответил, занятый делом писатель. - Но, используя дедуктивный метод моего литературного героя, подумал, сумеет ли мы завтра утром запрячь это животное, не будь этих снимков...?

В своё время в Доме творчества «Болшево» вечерами собирались актёры, художники, одним словом, люди искусства, поговорить, послушать, как говорят в таких случаях: людей посмотреть, себя показать. Захаживала сюда охотно и Фаина Раневская. Великая актриса была умна и иронична, и в первую очередь к себе самой. Это свойство сильных натур: не бояться выставить себя в смешном виде. И Раневская делала это с явным желанием, отлично понимая, что набирает очки в свою пользу. Было понятно, что основная часть её шуток была уже давно устоявшимся репертуаром, так сказать, хорошо заготовленным экспромтом. Но звучали они в устах актрисы всегда свежо и по-новому.

Часто присаживаясь за столик и оглядевшись, она ворчливо говорила сама с собой, но так чтобы её обязательно слышали:

- Ненавижу свою грудь.... Ну, зимой еще, куда ни шло – живот греет. А летом что с ней делать прикажите?...

И тут же могла присочинить в этом же духе бесподобную маленькую историю о себе или о ком-либо из знакомых.

- Мы вот позавчера с Эрастом Гариным поджидали автобус тут за углом, где прямо над головой двухэтажка стоит. Так вот, с балкона мальчишка, басурман этакий, пристроился и пишет мне на голову. Я ошарашена, а Гарин, злодей, этак ехидно посмеивается: «Фаина, вы так популярны...».

И тут актриса очень точно пародирует Эраста Гарина, а слушающие все смеются.

Альберт Гендельштейн, зять известного Леонида Утёсова, - стройный смуглый, горбоносый, с волнистыми чёрными волосами, был очень похож на мексиканца. Мало того он всячески культивировал это сходство, бравируя неизменным ярким шёлковым платком на шее. Но, как он сам рассказывает, однажды на каком-то дипломатическом приёме его, как бы невзначай, подвели незаметно к мексиканскому послу и через некоторое время поинтересовались:

- У вас кто-то новенький в посольстве?

Ожидали, конечно же, что посол признает в Альберте своего «земляка». Но тот, лишь мельком глянул на Гендельштейна и недоуменно покачал головой:

- Нэт, этот обикновинная эврия нэ наш...

Мексиканский посол плохо говорил по-русски, но все его поняли и рассмеялись.

Фаина Раневская при случае обязательно вспоминала свои походы в магазин или на рынок. Это было смешно, иногда грустно, но рассказывала актриса о своих впечатлениях захватывающе и неподражаемо.

- В кои веки выбрались с Верой Трауберг на Петровку. Идём мимо Пассажа там, где игрушки. Вижу безобразное надувное резиновое изделие, этакое чудовище серо-лилового цвета. Я испугалась и спрашиваю: «Верочка, что это?». Вера Николаевна, присмотревшись, говорит: «По-моему это белочка, - и добавляет, - На ветке...». И правда белочка, а я-то с перепугу подумала, что это рак прямой кишки...

Обычно здесь актриса делала паузу и наблюдала за впечатлением рассказа на слушателей.

На съёмках часто, когда что-то не ладилось, Иван Пырьев нервничал и невообразимо громко кричал на всех подряд. Это было не очень приятно, но кто осмелится одёрнуть режиссёра? Разве только что близкий друг актёр Николай Афанасьевич Крючков, по-своему успокаивающий на площадке Пырьева:

- Ваня, ты, что забыл, что я с Пресни? Как сделаю тебе небольшую «врезку», так потом будешь зубы собирать...

И это действовало. Пырьев улыбался и успокаивался.

Сходство и почти неразличимость на слух фамилий Абрама Роома и Михаила Ромма не раз складывались в неприятность для обоих кинорежиссёров. Правда, Роом был старше и к тому моменту уже знаменитым, а Ромм только-только обретал силу. Но как раз в эти годы путаница фамилий приносила немало огорчений. Критика здорово ругала младшего, но в печати по привычке помнили заслуги старшего, и все шишки сыпались именно на него. После одного из таких казусов Роом звонит Ромму:

- До каких пор это будет продолжаться? Тень твоих двух ЭМ слишком карикатурно сочетаются с моими ОО. Тебе пора брать псевдоним...

- А почему мне? – дерзит в ответ Ромм.

- Мальчишка, пацан! Откуда в тебе столько наглости? Где твоё уважение к старшим? Давай, меняй фамилию, и баста!

- Думаю, вам это будет сделать проще...

- Это почему же? – недоумевает Роом.

- Ваше кино кончилось, Абрам Матвеевич...

- Нахал! – мэтр обижался и бросал трубку.

Но Михаил Ромм был прав: старое кино уходило, а вместе с ним забывались и имена его создателей.

Известный итальянский актёр Микеле Плачидо лет двенадцать назад путешествовал с женой по стране на автомобиле. Проехали с севера на юг весь «Апеннинский сапожок», посетили острова. На Сицилии случился казус – на одном из шоссе превысили скорость. Тут же, как из-под земли догоняет полицейский на мотоцикле и показывает знаком остановиться.

- О, это дружище Поль! – взглянув на полицейского, с облегчением говорит Плачидо жене. – Сейчас я остановлюсь, и мы всё уладим. Мы вместе с ним служили в армии...

Через несколько минут полицейский уезжает, а Микеле понуро возвращается и молча садится за руль. Жена саркастически замечает:

- Судя по твоему лицу, ты служил с этим Полем во враждующих армиях...

- Что поделаешь, Сицилия..., - сокрушается актёр.

Однажды, возвращаясь в такси после работы домой, Борис Андреев разговорился с водителем:

- Вы хорошо знаете город, не могли бы порекомендовать хорошего врача? Здоровье пошаливает что-то..., - басил своим известным голосом артист.

- Конечно, знаю: Беспалов. Есть такой известный хирург. Он спас меня от неминуемой смерти, - охотно отвечает таксист.

- Как это? - заинтересовался Андреев.

- Да, вот так же приболел один раз. Сначала лечился, как обычно в поликлинике. Мне прописали какие-то таблетки, от которых стало ещё хуже. Тогда посоветовали одного солидного доктора. От его рецепта я вообще чуть не помер. Наконец мне дали адрес Беспалого. Кое-как дополз, а его в аккурат дома не оказалось. Вот с тех пор и не болею...

Андреев расхохотался, и уже прощаясь, сказал:

- Я на всякий случай возьму адресочек, навещу доктора, когда его дома не будет...

Питера Фалька, больше известного публике как лейтенант Коломбо, как-то на шоссе, где скорость движения ограничена шестидестью километрами в час, остановил дорожный инспектор. Огорчённый киноактёр затормозил свой старый помятый автомобиль на обочине.

- Придётся вас оштрафовать, - угрожая, подходит к нему автоинспектор. – Вы ехали со скоростью семьдесят километров в час.

- Извините, а вы не могли бы записать в протоколе, что я ехал со скоростью сто двадцать километров? – со свойственной детской непосредственностью спрашивает актёр.

- Зачем это вам? – недоумевает инспектор.

- Вы знаете, я собираюсь продавать эту рухлядь, и надеюсь, это как-то поднимет её цену...

Тут инспектор узнаёт артиста и весело смеётся вместе с ним.

Будучи учеником Вандомского колледжа Оноре Бальзак в 1809 году слыл мечтательным ленивым мальчишкой. Однажды на уроке по древней истории учитель скрипучим голосом вопрошает:

- Месье Бальзак, вы опять витаєте в облаках? Ну-ка покажите мне свою работу.

Оноре, краснея, протягивает тетрадь.

- О! Вы не только ленивы, но и безмерно горды! – сухо продолжает учитель, демонстрируя классу исписанную страницу. – Вы только посмотрите: Цезарь, Наполеон, Бальзак, Цезарь, Наполеон, Бальзак.... Вы рано записываете себя в один ряд с этими людьми, месье.

- Надо же когда-то привыкать к этому, - по детски широко раскрыв большие глаза, иронизирует мальчишка в ответ.

- Вот и продолжайте это в карцере, бездельник! А я о вашей гениальности вынужден поставить в известность ваших родителей...

- Об этом они, наверно и сами знают, - дерзит на прощанье будущий писатель.

Режиссёру Александру Птушко на съёмках фильма «Сказка о царе Салтане» понадобился персонаж с приметным работающим животом. Кто-то порекомендовал народного артиста России Павла Шальникова. При встрече режиссёр очень долго для киношных обычаев беседует с актёром и, наконец, деликатно спрашивает:

- У вас, говорят, хорошо работает... э-э-э... диафрагма? Вы уж извините, может быть покажите? Нам это нужно для роли третьего дьяка.

Шальников тут же демонстрирует действительно уникальные способности шевелить животом. Птушко в восторге!

- Значит так, ты будешь не третьим, а вторым дьяком. А твой ...э-этот ...аппарат будет главным предводителем поганых нелюдей. Ну-ка покажи ещё?

Артист снова заголяет живот.

- Всё! Вот здесь рисуем глаза, здесь будет пасть, - режиссёр тычет пальцем.

– Надо же какая нечисть получается...

И оба заразительно от души смеются.

Александр Дюма мог увлечённо работать сутками напролёт, получая при этом ещё больший запас духа. Однажды к писателю пришёл знакомый приятель. Лакей впустил гостя в переднюю и говорит:

- Я доложу хозяину о вашем приходе.

В этот момент из комнаты доносится оглушительный взрыв хохота.

- О! Не беспокойте господина Дюма. Я подожду, пока он останется один..., - останавливает слугу вежливый гость.

- Но хозяин один, - отвечает лакей. – Он часто смеётся за работой, радуясь за своих героев...

Франсуа Рабле уже будучи известным медиком однажды, не имея ни гроша в кармане, решает добраться до Парижа необычным способом. Остановившись в каком-то постоялом дворе, он попросил подвернувшегося мальчишку написать на клочках бумаги: «Яд для умершвления короля», «Яд для королевы», «Яд в пищу герцогу Орлеанскому»... и тому подобное.

Потом на глазах у мальчишки Рабле наклеивает эти надписи на отдельные конверты, в которые насыпает серый порошок. Через полчаса постоялый двор знал о «злостных» намерениях подозрительного постояльца. А ещё через полчаса является судебный чиновник и отправляет его под охраной в Париж. Там Рабле показывает конвертики, в которых оказывается просто печная зола, и весь Париж долго потешался после этого над тем, как ловко удалось обвести вокруг пальца судебные власти, чтобы бесплатно добраться в столицу...

Известного путешественника Павла Конюхова неоднократно в пути преследовали удивительные случайности, предотвращающие подчас трагический исход в экстремальных ситуациях.

Страховая компания «АСКО», снаряжающая экспедицию Конюхова с напарником на велосипедах по зимнему Байкалу, предлагала личное страхование участникам похода. Конюхов почему-то отказался.

Однажды уже на маршруте во время ночёвки на льду, когда за тонюсенькими стенками палатки царствует морозная синяя ночь и посвистывает над тонким, ещё неокрепшим льдом промозглый ветерок, сквозь усталость и чуткую дремоту является путешественнику руководитель страховой компании:

- Паша! Давай подпишем договор. Не такая уж тяжесть для твоего рюкзака этот страховой полис. Давай, вставай! Знаешь, всякое бывает...

И так это взволнованно и настойчиво требует, что Конюхов просыпается. Понимает, что это лишь сон, но смутное предчувствие беды, передавшееся волнение сна заставляют путешественника растормошить напарника и развязать неудобный вход в палатку. Потрескивание льда подсказывало, что нужно уходить. И только успели покинуть место ночёвки, как лёд треснул, образовав широкую, зияющую ледяной водой трещину.

- Хорошо, что не застраховался, - говорит Павел, устраиваясь досыпать на новом месте.

- Не понял? – недоумевает напарник.

- А что тут непонятного. Кто предупредил бы нас, если бы я подписал страховку? Тогда бы им и дела до нас не было. А так, видишь, как вовремя растормошил..., - смеётся, только что чудом спасшийся путешественник.

В 1828 году Оноре Бальзак на некоторое время уезжает из Парижа в деревню, где упорно работает над рукописью новой книги. Неожиданно семья Бальзак меняет место жительства, и Оноре получает об этом известие от матери. Теряясь в догадках, он возвращается в Париж. Этот внезапный переезд походил скорее на бегство.

Мадам де Бальзак не замедлила объяснить всё:

- Ваш папаша, несмотря на свою восьмидесятидвухлетнюю немощь, совратил совсем юную крестьянку!

- Да, да, - лукаво подмигнул в это время сыну старик и добавил насмешливо: - Бедняжка ждёт ребёнка..., и нам срочно пришлось убежать.

- Ну и семейка у меня! – сказал со смешанным чувством грусти и гордости Оноре.

Жизнь известной романистки Жорж Санд была предельно насыщена событиями и любовными приключениями. Эта женщина с донжуанским темпераментом желала, чтобы на литературном поприще её считали мужчиной. О себе она говорила всегда в мужском роде и заправски курила трубку.

Один из молодых журналистов того времени, желая познакомиться с романисткой, обратился к писателю из её круга:

- Я ещё не представлен Жорж Санд...

- Оно и понятно..., - иронично хмыкает в ответ писатель.

- Не подскажите, в какие часы днём лучше всего обратиться...?

- И не думай! Днём Он ...занят.

- А вечером? – наивно вопрошает журналист.

- О! Вечером другое дело, - многозначительно иронизирует писатель. – Но беда в том, что вечером занята Она...

На одном из первых кинофестивалей в Москве американец Стенли Крамер получает приз за лучшую режиссуру. После этого журналисты одолели его вопросами об американском кино, о жизни, о впечатлении от общения с российским советским кинематографом. На одной из пресс-конференций из журналистского ряда раздался стандартный в таких случаях вопрос:

- Чем отличается американское кино от советского?

Крамер, не раздумывая, отвечает:

- В принципе ничем. И у нас, и у вас ...кино.

Среди журналистов недоумение. Тогда американец лаконично добавляет:

- И там, и там в самом начале всегда встреча влюблённых. Но, у нас – парень встречается с девушкой, а у вас ...с трактором.

Журналисты смеются, но этот ответ ни одно издание не напечатало.

Кинорежиссёр Гавриил Егиазаров снимал по рассказам Платонова в селе под Ржевом картину «Иван Великий». Роль бабки Груши играла замечательная актриса Людмила Иванова, а в напарницы ей нашлась тут же местная разговорчивая и резвая ещё старуха лет под девяносто. Во время одного из перерывов между съёмками женщины устроились на завалинке у нагретой солнцем бревенчатой стены и разговорились, словно давние закадычные подруги. Напротив, на лужайке подрёмывали пара лошадей, запряжённые в тяжёлую телегу и снимающиеся так же в кино.

- Кони уж больно худюшие у вас, - жалеет лошадей старуха.

- Так ведь война..., - говорит актриса.
 - Тю, сдурела баба! Кака ж война? – негодует старуха.
 - Кино-то о войне.... Вот и загримировали лошадей под худобу, - объясняет Иванова.

- Правда? – изумляется крестьянка, пристальнее вглядываясь в лошадей. Потом, кряхтя, поднимается и идёт смотреть лошадиный грим поближе. Возвращается, тихо присаживается и говорит:

- У вас всё кино. И лошади, и война...

Глубоко вздыхает и назидательно прибавляет:

- Всё равно, какое ни кино, какая ни война, а коней кормить надо, а то работать не будут..., - и, подставив солнцу морщинистую щёку, с улыбкой щурится.

Молодой начинающий режиссёр снимал фильм о начале войны. Съёмки делали в одном из живописных сёл Украины. Режиссёр придумывает эффектный взрыв на пруду, в котором должны были мирно плавать утки и гуси.

- Много птицы, как можно больше..., - жестами отображает это множество режиссёр и даёт указание помощнику:

- Договоритесь об этом с местным руководителем.

Помощник уговаривает председателя колхоза выделить для взрыва как можно больше птиц.

- Все убытки студия колхозу возместит. Это мы гарантируем. Всё что останется после съёмки – ваше...

- Колхозное, - поправляет председатель.

- Нет, именно ваше. Повторяю, колхозу мы всё возместим, - авторитетно говорит помощник режиссёра.

И вот в день съёмки раздаётся взрыв, показавшийся атомным. В воздухе клубы дыма, туча перьев и только...

- А как же мясо? – разочарованно спрашивает председатель.

- Как договаривались: всё что останется..., - разводит руками киношник, а все присутствующие при этом смеются.

Знаменитый актёр Михаил Кузнецов был приглашён на роль Фёдора Басманова в фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный». Приступая к работе, артист сокрушался:

- Чтобы играть этого зверя, нужны какие-то особые глаза. А у меня добрые глаза...

Действительно, Кузнецов обладал чистыми спокойными глазами доброго человека.

Эйзенштейн пристально глянул в эти глаза и строго громко проговорил:

- У тебя серые глаза!

- Да, но добрые...

- Это легко исправить, - уверенно говорит режиссёр. – Завтра же ступай в зоопарк. Посмотри в глаза ...барсу. Поймай его взгляд и всё.

Весь следующий день Кузнецова видели в зоопарке у клетки барса, а сыгранная им после блистательная роль Басманова вошла в аналоги мирового кино.

Проспер Мериме, один из блистательных литераторов Франции девятнадцатого века, помимо этого был сенатором, академиком, реставратором исторических памятников, обладал весёлым нравом, за что и был признанным организатором всяческих торжеств и развлечений в аристократических кругах. Тем не менее, за этим же весельчаком утвердилось репутация жестокого остролова. Его остроты всегда были дерзки и никого не щадили.

Однажды на одной из увеселительных прогулок кто-то познакомил Мериме с бравым молодым военным. Поговорив пару минут с офицером, автор восхитительной «Кармен» категорично заявил собеседнику:

- Армия не ваше место. Вы достаточно красивы, но, как на грех, излишне умны, а потому не осилите карьеру.

- Это почему же? – недоумевает молодой человек.

- Красота военным дана, чтобы прикрывать их обязательную глупость. Умные не бывают настоящими военными...

Известная актриса театра «Современник» Галина Петрова с малых лет мечтала играть в театре. Надо сказать, в её семье никто никогда к сценическому искусству не имел никакого отношения. Потому родные долго не могли поверить, что их Галя – тихий скромный ребёнок – учится в ГИТИСе.

Тётка по линии отца так и говорила:

- Да ты страшная, как вся наша жисть. Таких артисток не бывает. Там, видала, все какие красивые...

- А кто, по-вашему, играет бабусь-ягусь? – возражала Галина.

Тётка предложила поспорить... на десять рублей, что не быть племяннице артисткой.

- Уж больно страшенькая ты. Боюсь, и на бабу-ягу не потянешь, - упорствовала тётка.

Прошло несколько лет, и родственница проиграла червонец. В театре ныне Галина одна из ведущих актрис.

Один из почитателей Марка Твена решил, что внешностью очень похож на писателя и отправил ему письмо со своей фотографией.

- Вы не находите нашего поразительного сходства? – спрашивал адресат.

Твен в ответ посмеялся:

- Ваше фото похоже на меня даже больше, чем я сам. Поэтому я вставлю его в рамку, повешу вместо зеркала и буду бриться по утрам, смотрясь в ваше фото...

В двадцатых годах в Ленинграде был издан телефонный справочник с указанием имён и отчеств абонентов. Просматривая их однажды в весёлой компании, Никита Богословский, будущий известный композитор, натывается случайно на странное сочетание Ангелов Ангел Ангелович. Тут же Никита весельчак и любитель розыгрыша набирает номер абонента с удивительным сочетанием имени и фамилии. Когда на другом конце провода взяли трубку, начинающий музыкант на полном серьёзе спросил:

- Позовите, пожалуйста, к телефону... Чёрта Чертовича?

Судя по всему, Никиту послали подальше и бросили трубку. Но понравившуюся хулиганскую шутку Богословский испробовал после этого множество раз, пока его не стали узнавать по дыханию и вообще не стали отвечать.

Спустя много-много лет, уже будучи известным музыкантом, в гостинице «Европейская» Богословский опять встречается в телефонной книге знакомое Ангелов А. А. Уже просто ради интереса, поддаваясь искушению по молодецки пошутить, композитор набрал номер и спросил Чёрта Чертовича. В ответ услышал ироничный старческий голос:

- Ты ещё жив, сволочь...?

На что Богословский рассмеялся. Примирительное покашливание отозвалось и в трубке, прежде чем её положили.

Французский поэт Шатобриан после публикации первого сборника стихов и поэм становится не только знаменитостью, но и обретает множество поклонниц, из которых самых хорошеньких он делает любовницами. Его донжуанство не прекратилось и после женитьбы. Поселившись в замке, в отдельном флигельке, находящемся в глубине парка, поэт вдохновенно работает над большой поэмой «Страдания». Работа продолжается ночи напролёт, отнимая все силы. Потому поэт частенько добирается в замок совершенно разбитым и только под утро. Простодушная мадам Шатобриан легко журит за это, и прощает.

Так продолжалось до тех пор, пока она не обнаружила за флигелем маленькую калитку, через которую многочисленные поклонницы навещали «затворного поэта». Когда вечная усталость супруга объяснилась таким простым образом, мадам негодуя воскликнула:

- И ты имел наглость называть это всё... вдохновением!?

Поэт лишь сконфуженно развёл руками...

У стойки бара в Академическом театре пьют лимонад и разговаривают два актёра. Молодой, только подступающий, прилаживающийся к тяжкой ноше сценического труда, и известный маститый артист с именем, со всяческими заслуженными званиями, признанный и почитаемый зрителем.

Молодой смущённо просит совета:

- Как быть, у меня роль... в первом акте, там я играю человека... под хмелем?

- Нет проблем! – потягивая напиток из бокала, говорит старший. – Пятьдесят грамм столичной водочки и всё...

- Так просто? Но во втором акте я должен быть пьяным в стельку...

- Н-да? Ну..., так выпейте в антракте ещё грамм двести, и вообще ничего не играйте. Всё пойдёт само собой... как по маслу.

Некоторое время молчат. Молодой серьёзно морщит лоб.

- Хорошо. Но, видите ли, в следующем акте я должен быть абсолютно трезвым...?

- Ха! А вот это, молодой человек, уже нужно будет... сыграть.

И солидный заслуженный актёр громко по-мальчишески смеётся.

Всем известно, что артисты любят розыгрыши, всяческие подначки друг над другом. В театре-студии Олега Табакова в спектакле «Идиот» главному герою по ходу пьесы выносят в корзине ежа. Зритель, конечно же, не видит его, но, по сути, должен подразумевать именно ежа. На одном из спектаклей актёру Виталию Егорову, занятому в главной роли, вместо ежа в корзину положили портрет... президента России. Все знающие об этой шутке собрались за кулисами, ожидая реакции.

Егоров, как и надлежит по пьесе, глянул в корзину, протянул для убедительности руку, словно трогал ежа, и сказал точно по тексту, ничего не добавляя, ни на йоту не выходя из роли:

- Ой, какой хорошенький...

За кулисами разочарованно разошлись, «расколоть» актёра не получилось. Но потом сам Егоров долго смеялся над розыгрышем.

Антуан Ривароль известный философ периода Великой Французской революции был необычайно остёр на язык и мог при случае запросто высмеять любого, не щадя даже своих доброжелателей.

Известный естествоиспытатель Бюффон в своё время помог Риваролю обрести популярность в кругах парижских литераторов. Но вот однажды он попросту спросил у остролова, надеясь услышать в ответ что-то лестное и доброе:

- Что вы думаете о моём сыне?

На что Ривароль без обиняков съязвил:

- Ваш сын – самая неудачная глава в вашей книге «Естественная история».

В другой раз, выходя вечером из гостей, приятель Ривароля, автор весьма скучного философского трактата, заметил:

- Дружище, вы расточали своё красноречие перед весьма посредственными людьми...

На что философ усмехнулся:

- Это я со страху.... Ты представляешь, если бы я весь вечер слушал их?

- Да, да, - продолжая разговор, возмущается приятель. – Народ всё пустой и вдобавок злопамятный...

- Насчёт памяти это вы напрасно, - возражает Ривароль. – Вы вот потратили двадцать лет, чтобы написать плохую книгу, а ведь они, едва просмотрев её, тут же ...забыли.

В конце восьмидесятых прошлого столетия известные путешественники братья Фёдор и Павел Конюховы готовились к трудному пути по таёжным местам Сибири и Дальнего Востока. В команду входила группа американских специалистов по выживанию в сложных экстремальных условиях. Путешественники брали с собой только необходимый, просчитанный до грамма запас продуктов и одежды. Что-то припасалось уже в последние дни в магазинах Красноярска, где на прилавках, надо признаться, в те перестроечные годы было до абсурда пусто либо стройными рядами стояли бутылочки с пищевым уксусом.

При первом посещении такого магазина кто-то из американцев удивился:

- А почему пусто?

Фёдор на полном серьёзе, не найдя ничего лучшего, чтобы не посрамиться, отвечает:

- Да, не берут ничего. Дома своего полно...

Во втором магазине американец уже с издёвкой говорит:

- Опять уксус...!?

На что Конюхов по-прежнему отмахивается:

- Я же говорю, что ничего не берут. Привыкли...

Но в третий раз после издевательского вопроса дотошного американца путешественник не выдерживает и смеётся:

- Ну, ты сам подумай, садовая твоя голова, после уксуса нужно ли ещё что-нибудь человеку...?

И вся команда экстремальщиков от души хохочет.

Однажды в московском театре-студии под руководством Олега Табакова на одном из спектаклей «На всякого мудреца довольно простоты» в самый разгар действия погас свет. Молодой замечательный актёр Сергей Безруков, игравший Глумова, не растерялся и, не выходя из роли, подал реплику:

- Какая темнота в глазах! Подайте свечи поскорей...

А из зала кто-то ещё более находчивый под общий весёлый шум прокричал:

- Чего уж там, валяйте так...! Пока свечи искать будут, всю пьесу переиначите...

Валентин Николаевич Плучек режиссёр театра сатиры в своё время очень критично относился к юмору известной телевизионной программы «Кабачок 13 стульев». Этот кабачок по его определению был рассадником плоских шуток и пошлости. Но надо признаться, что эту передачу любили зрители и... власти. И потому режиссёр извлекал из этого выгоду. Однажды на приёме у министра

культуры ещё на входе, когда группа артистов проходила мимо дежурного, тот узнав Михаила Державина, громко воскликнул:

- О! У нас сегодня в гостях весь «кабачок»! Рады приветствовать вас...

- Тише, ты..., потом..., - зашикал на дежурного артист, показывая жестами на недовольного при этом режиссёра Плучека.

Но в кабинете министра Петра Демичева случился ещё больший конфуз. В одну из пауз, когда кажется не о чем говорить, министр запросто спрашивает:

- Когда же выйдет очередной «Кабачок»? Зрители ждут...

Тут все обращают взоры на Плучека и громко смеются. Министр недоумевает, а режиссёр, используя сложившийся благоприятный момент, выпрашивает для театра так называемую материальную помощь.

В Крыму на съёмках фильма «Человек с бульвара капуцинов», когда потребовались лошади для ковбойских сцен, оказалось, что, собранный с трудом по крымским сёлам табунок, в самый разгар работы «увели» якобы цыгане. В местном отделении милиции как-то формально отмахнулись от киношников. Тогда спустя неделю снарядили группу из «ходовков», в которую главным вошёл популярный, любимый миллионами зрителей Андрей Миронов, а в качестве «заслуженных статистов» народный артист СССР Александр Згуриди и режиссёр Алла Сурикова. Возвращаясь часа через два после встречи с большим местным начальством на место съёмки, все трое были приятно удивлены картиной возврата лошадей в сопровождении двух бравых милиционеров.

- Ах, кони, кони, наши кони...! – восторженно декламировал Миронов.

А Згуриди многозначительно хмыкнул:

- Волшебная сила искусства...

Несомненно, в столь быстром решении вопроса сказались авторитет и известность этих замечательных деятелей кино.

На съёмках музыкального телефильма «Соломенная шляпка» царила атмосфера одной непрерывной импровизации, способствующей задаче режиссёра сделать постановку живой и по-настоящему весёлой. Душой импровизаций был, конечно же, Андрей Миронов. На съёмках комедии нелегко сохранять необходимое приподнятое настроение в течение долгого времени. На площадке обязательно должен присутствовать кураж, иначе игра срывается. В один из таких неприятных моментов замечательный актёр Михаил Козаков, игравший с Мироновым один из эпизодов, как-то сник и завял.

- Кончай куксить, - подзадоривал партнёра Миронов.

Козаков вяло улыбался, безуспешно пытаясь вернуться к нужному настроению. В кадре явно властвовала скука.

И вот после команды «Мотор!» Козаков, стоя лицом к партнёру и к камере, начинает играть. Миронов, находящийся к зрителю спиной, улыбается во весь рот, и... Козаков столбенеет. Все зубы у Андрея – железные, все как один!... Этот тип по ходу дубля каким-то незаметным образом вставил в рот фольгу от

шоколада! Козаков прыснул, затем расхохотался. Дубль, конечно, был сорван, но озорство и кураж вернулись на съёмку...

Приступая к съёмкам кинокартины «Карнавальная ночь», молодой тогда ещё режиссёр Эльдар Рязанов подыскивал актёра на комедийную роль директора дома культуры, где, в сущности, разворачиваются смешные предновогодние события. Кто-то посоветовал пригласить Игоря Ильинского, известнейшего уже тогда, солидного признанного мэтра кино и театра. Рязанов стеснялся и побаивался: удобно ли надоедать занятому серьёзным делом человеку какой-то комедией, какого-то молодого режиссёра. На удивление Ильинский благожелательно отнёсся к предложению и работал на съёмках основательно и требовательно к самому себе. После, уже заканчивая монтировать картину, Рязанов поделился пред съёмочными сомнениями с артистом:

- Мне казалось, что ваша известность будет препятствием в участии работать с нами.... Другие и не знаменитые вовсе, а с гонором о-го-го...

- Вот потому что не знамениты, отсюда и гонор. Им нечего терять. У них от отказа ни прибавит, ни убавит. А у меня авторитет - раз, престиж - два, известность - наконец. Это всё сохранять нужно, приумножать.... Вы, вот, создадите шедевр, а я отказался! Значит, потерял половину своей известности. А коль согласился, то в любом случае прибавил к своему багажу. Разве я не прав?

Конечно же, актёр был тысячу раз прав! И доказательство тому - фильм «Карнавальная ночь», ставший одним из шедевров мирового кино.

Замечательный актёр Анатолий Кубацкий, сыгравший много разных ролей в кино, с большим удовольствием брался и за диковинных сказочных персонажей. Однажды на одной из встреч со зрителями, когда артист выходил на сцену, с первого ряда привстал солидная женщина и с детской непосредственностью громко проговорила:

- Ой! Да я ж его знаю, он в детстве водяным был!

Зал покотился со смеху.

Действительно, Кубацкий играл водяного в красочной кино-сказке «Марья-искусница»...

Георгию Вицину, игравшему в комедии «Она вас любит» юношу Костю Канарейкина, для эпизода на водных лыжах не хватало, как говорят, спортивной подготовки. Сняли дублёра, но режиссёру это не понравилось. Нужно было, во что бы то ни стало заставить играть самого артиста. Но как это сделать? Придумали написать пространное восторженное письмо от поклонницы, в котором она похвалила бы его способности и достоинства. Долго и серьёзно сочиняли такое письмо, не забыв намекнуть на важность такого вида спорта, как водные лыжи. Подписали письмо, не мудрствуя, просто: «Клава». Нужно

сказать, уловка удалась. Вицин собрался, несколько дней упрямо осваивал водные лыжи и всё-таки снялся в эпизоде сам. Но после, как бы, между прочим, сказал:

- А вот имя могли бы и покрасивее придумать...

В молодости Фёдор Шаляпин пел в опере города Тифлиса, где комендантом был генерал Эрнст. Этот болезненный невероятно костлявый человек очень ревностно относился к службе, не терпел фальши и любил театр. Посмотрев однажды игру Шаляпина в роли генерала Грёмина, комендант поинтересовался:

- Кто этот молодой человек?

Ему сказали, что Фёдор из бродячих певцов.

- Гм-м..., странно, - удивился генерал. – А играет довольно правдоподобно.

Затем, подзвав Шаляпина, долго тыкал его пальцем в грудь и командовал:

- Во фронт! Напра – во! Кругом - арш!

Шаляпин вертелся, вытягивался в струну и заслужил-таки одобрение Эрнста.

- Порядок! Вот тебе перчатки, дружок, и...

Генерал вынул из кармана завёрнутые в платок ордена – звезду и крест. Нацепил их певцу на грудь и, чуть смутившись, сказал:

- Ты уж будь добр, ордена-то возврати после спектакля. А то, до тебя тут был один - ...тоже бас. Я дал ему кое-что, так он того..., то ли продал, то ли пропил. Так и не вернул, дьявол...

Однажды Бальзак пришёл с соболезованием к давнему другу, у которого накануне в доме побывали грабители.

- Располагайся, дружище, как у себя дома, - принял писателя удручённый друг.

- Да, нет, пожалуй, я уж как-нибудь этак скромно побуду в роли гостя. Потому что привилегия быть всюду, как дома принадлежит только королям и уличным девицам...

Затем писатель чуть помолчал и добавил, поводя рукой:

- И ещё, конечно же, ворами...

На что друг, одолевая огорчение, улыбается:

- С тобой, как всегда, нельзя не согласиться.

Мэр одного из городов в Приморье прославился совсем не примером своей деятельности, а скорее наоборот. Надо сказать, причиной славы стала фамилия этого чиновника – Гнездилов. Фамилия как фамилия, прочная такая, солидная, располагающая к себе, знаете ли, фамилия. Не случись в этом городе дорожных работ, никто бы никогда и не посмеялся над такой фамилией. Но дороги (ах, эта напасть!) в Приморье так же плохи, как это и бывало всегда в России испокон веков. Потому их всегда надо ремонтировать. И вот в этом городе колдобины с

выбоинами, по приказу ли самого мэра, или ещё какого сообразительного помощника, просто-напросто засыпали глинистым грунтом из ближайшего карьера. Эта дресва довольно прочно утрамбовывается в сухое время, но в дожди это «дорожное покрытие» превращается по меткому определению наших острословов в обыкновеннейший ...«гнезделин».

В конце позапрошлого столетия американские газеты наперебой заговорили о талантливости одного начинающего художника.

Марк Твен в беседе с одним из редакторов по этому поводу заметил:

- Этот весь шум-гам вокруг имени молодого человека ещё ничего не доказывает.

И улыбаясь, писатель с иронией закончил свою мысль:

- Весьма часто курица, снеся всего только одно яйцо, кудахчет так, будто она породила ...астероид!

В беседе с известным проповедником Генри Бигером пожилой явно дряхлеющий муж спрашивает:

- Скажите, отче, не Божий ли промысел в том, что моя жена родила ребёнка?

Священник, внимательно оглядев собеседника, поинтересовался:

- Позвольте узнать возраст вашей жены?

- Девятнадцать..., - последовал ответ.

- Ну, что ж, я расскажу вам одну поучительную историю, - говорит проповедник. – Лет десять назад я путешествовал по Африке. Однажды в безлюдной пустыне на меня набросился леопард. В руках у меня кроме дорожного посоха ничего не было, и мне оставалось лишь вскинуть это малонадёжное орудие как винтовку, когда голодный зверь изготовился прыгать. И вот в самый последний момент, когда ягуар уже летел в прыжке, я, что было мочи, отчаянно крикнул: Паф...! Ягуар, не долетев до меня, упал замертво...

- Ах, это без сомнения была помощь Бога! - восторженно проговорил, захваченный историей муж.

- Не совсем, - улыбаясь, заканчивал рассказ священник. – Позади меня очень удачно оказался охотник с настоящим ружьём...

На одной из лекций в университете молодой человек спрашивает Менделеева, обосновавшего общеизвестный рецепт сорокоградусной водки:

- Скажите, профессор, алкоголь растворяет сахар?

- О, да! – с пафосом говорит учёный. – Надо сказать, водка растворяет так же золото, камень и дерево, из которых строят дома, лошадей и кареты, счастье и любовь..., и вообще всё, что ценится людьми...

В январе 1909 года в Милане состоялась премьера оперы «Борис Годунов» с участием Фёдора Шаляпина в главной роли. Пимена в спектакле исполнял обладатель прекрасного голоса Джузепе Чирино. Итальянский певец, внимательно следивший за игрой Шаляпина, беспрестанно удивлялся:

- У Фёдора голос хуже моего! Роль Годунова непременно у меня получится лучше. Я спою красивее...

Не скрывал он своего мнения и от самого Шаляпина, к которому заходил в гримёрную, и, наблюдая как знаменитый русский бас готовится играть, всерьёз завидовал:

- Всё, конечно же, заключается в твоём гриме. Жаль, что у меня нет таких красок, париков, усов и бороды...

Сыграв последний спектакль, Шаляпин подарил весь свой гримёрный набор итальянцу с пожеланиями успешной игры в роли Годунова.

Год спустя русский певец вновь в Милане. Случайно на улице встречается с Чирино. Итальянец с невообразимым восторгом бросается к Шаляпину, обнимая, громко с чувством говорит:

- Я должен тебе это сказать! Я понял, какой ты артист! Грим, парики – всё это чепуха! Твоя игра – вот чудо! Всё, что так легко и доступно у тебя, оказалось для меня невыполнимо.... Я играл Бориса и... провалился. Ты великий артист, амико Шаляпин!...

Богатый состоятельный прихожанин на исповеди признаётся священнику в том, что неизлечимо болен и более года не проживёт.

- Посоветуйте, отче, как мне с наибольшей пользой распорядиться этим годом?

Священник сочувственно успокаивает страдальца и рекомендует распродать имущество и прожить оставшееся время в скромности, как все бедные люди.

- И что, я дольше проживу? – удивляется прихожанин.

- Нет, сын мой. Ты проживёшь ровно тот год, что тебе отпущен, - крестясь, говорит священник. – Но этот год покажется тебе вечностью...

На заседании государственной Думы случается привычная перепалка между депутатами. Один в запальчивости, не задумываясь над словами, просто бранится и угрожающе кричит:

- Я же проглочу тебя, как представителя вашей дохлой фракции, и не почувствую, что что-то съел...!

Его противник, политик более сдержанный и потому осмотрительный в выражениях, с сарказмом отвечает:

- Надо сказать, это пойдёт вам на пользу. Правда мозгов тогда у вас будет больше... в животе.

В зале заседаний после такой полемики долго не стихает смех.

Народное собрание Древней Греции приняло решение утвердить на одну из государственных должностей известного пройдоху и мздоимца, стяжавшего себе дурную славу, но приложившего все силы в то, чтобы стать большим сановником.

Тут же к собранию выходит Аристофан, известный сатирик и остролов. Он со свойственной ему витиеватостью вносит на рассмотрение Народного собрания решение «считать ослов отныне и навсегда... лошадьми!». Тотчас трибуны негодуяюще зашумели, со всех сторон понеслись возгласы и протесты:

- Долой! За кого ты нас принимаешь...?

Аристофан, выждав пока проклятия в его адрес чуть поутихнут, изображает полнейшее недоумение и говорит:

- Странно...! Вы только что проголосовали за ничтожество, сделав его государственным деятелем. Что же вам мешает после этого вообразить осла... конём?

Известный испанский художник-модернист Сальвадор Дали слыл человеком насмешливым и нетерпимым к слабостям других людей. Однажды принимая у себя одного молодого человека, решившего податься в Америку и выбиться там в люди, не важно на каком поприще, главное преуспеть, Дали поинтересовался:

- Вы любите хорошо поесть?

Молодой человек с достоинством поспешил ответить:

- Что вы, да я могу питаться чем попало! Хоть годами могу сидеть на одном хлебе и горохе!

Художник несколько задумался и говорит:

- Вот это никуда не годится! Питаться хлебом и горохом - слишком дорогое удовольствие. Для этого нужно будет ежедневно много трудиться, и значит, у вас не останется времени на то чтобы преуспеть... Вот если бы вы привыкли жить на сладостях и шампанском, то это бы вам ровным счётом ничего не стоило...

Молодой человек недоумевает.

Дали с тем же серьёзным видом заканчивает свою мысль:

- Видите ли, шампанским и сладостями вас совершенно бесплатно будут угощать в изысканном обществе люди определённой породы. Но чтобы пользоваться их расположением для начала, как минимум, стоило бы привести в порядок ногти на руках и сменить рубашку с пятном от горохового супа...

В конце пятидесятых годов прошлого века молодой ещё тогда начинающий актёр Михаил Державин играл в Театре Ленинского комсомола. Женат он был тогда на дочери знаменитого уже Аркадия Райкина. Однажды на один из концертов молодому актёру понадобился хороший костюм. Делать нечего, попросту пришлось обратиться к тестю. Тот по-родственному, конечно же, не отказал. Концерт прошёл успешно. Публика восторженно принимала выступление Михаила Державина, а он радостный и счастливый не удержался и похвастался в семейном кругу вечером за столом:

- Могу ведь кое-что и я...

На что Райкин со свойственным сарказмом заметил:

- Миша, даже если бы ты просто стоял и молчал, зал аплодировал бы всё равно...

- Это почему же? - ещё не понимая иронии тестя, спросил Державин.

- Ты не забывай, с чьего плеча на тебе был костюм...

За столом все рассмеялись.

Известный югославский актёр Гойко Митич, много игравший в фильмах об индейцах, на съёмках кинокартины «Скаут», что проходили в Монголии, упрёкнул режиссёра:

- К чему столько трупов? Из-за этого ломается вся любовная линия в сценарии. Оставь, пожалуйста, в живых индейскую девушку..., - просит актёр.

- Нет! – безжалостен руководитель съёмок. – Индейцам судьбой редначертано умереть...

На что Митич с сарказмом замечает:

- Но ведь кто-то всё же уцелел, несмотря на такое предначертание...?

Когда знаменитый режиссёр Эльдар Рязанов закончил съёмки кинофильма «Гусарская баллада», картину посмотрела министр культуры Фурцева.

- Это кто, полководец или клоун? – указывала чиновница на Кутузова, которого в фильме играл замечательный комедийный актёр Ильинский.

Прокату картины грозил запрет. Что делать? Столько труда и всё напрасно?

И всё-таки торжествует справедливость. На станицах главной тогда газеты «Правда» выходит восторженная объективная статья о кинокартине. Фильм выходит на экраны страны и получает засуженное признание миллионов зрителей.

- Вот что значит ...правда... образа! – не уставал при случае подчёркивать неутомимый Игорь Ильинский.

Замечательный актёр и кинорежиссёр Никита Михалков однажды попал в смешную историю при прохождении таможенного досмотра на финской границе. Сухой закон в Финляндии ограничивает ввоз спиртного в страну, а потому излишки на границе конфисковываются. В чемодане актёра как раз и была лишняя бутылка «Московской».

- Мы оставляем эту бутылочку у себя, - вежливо и серьёзно настаивает финский таможенник.

- Да вы что, мужики...? – возмущается Никита Сергеевич. – Это из-за одного пузыря столько шума?

- Увы, господин Михалков, закон для всех закон. Давайте не будем задерживаться...

Отчаявшись пробить оборону финнов, известнейший киномастер на глазах

у изумлённых таможенников откупоривает бутылку и выпивает прямо из горлышка всё её содержимое.

- Ну, вот, всего-то и дел...! – виновник задержки вытирает губы рукой и смеётся.

Минуту-две немая сцена. Потом одному из таможенников тут же становится плохо с сердцем...

После съёмок фильма «ТАСС уполномочен сообщить» Комитет госбезопасности накануне Нового года удостоил премии многих участников постановки. В их числе был и популярный артист, известный публике ещё по участию в вокальном ансамбле «Орера», Вахтанг Кикабидзе. При получении медали и диплома артист видит, что награждающий его чиновник как-то нечаянно забыл о конверте, в котором, судя по всему, должна быть премия. В ответном слове Кикабидзе серьёзно говорит:

- Я очень рад. Хотел сыграть советского разведчика, но видно ещё не дорос и поэтому сыграл только резидента ЦРУ. Но..., - актёр делает паузу, – Деньги я всё равно возьму, потому что скоро праздник, а праздники справляют все, не исключая и иностранных шпионов...

Комитетчик несколько смущается, и подавая конверт с деньгами шутит:

- Будем считать, что вербовка нужного нам человека состоялась.

Присутствующие при этом улыбаются.

У известного артиста (не будем называть его имя), любившего изрядно выпить, был достаточно великоватый нос, над которым ему часто приходилось слышать подначки. Однажды на гастролях случилось ему прожить в одном гостиничном номере с музыкантом, очень серьёзным человеком строгих правил, но не лишённого при этом чувства юмора.

Заявляется после спектакля актёр в номер что называется подшофе, а сосед ему и говорит:

- Знаете ли вы, дорогой мой Пал Иваныч, что люди с вашей индивидуальностью страдают одним недугом?

- Это чем же, позвольте узнать? – икает, присаживаясь, актёр.

- Дело в том, что алкоголь значительно способствует росту носа. Вам бы воздержаться...

- Н-да? – удивляется артист.

И прежде чем лечь спать отрезает по длине своего носа полоску бумаги и оставляет на тумбочке у кровати.

- Утром посмотрим...

Засыпает. Сосед улучает минутку и ножницами чуть-чуть укорачивает бумажку. Утром артист хоть и с похмелья, но замечает, что нос его стал «длиннее». Недоумевая уходит на репетицию. Возвращается поздно и опять под хмельком. Утром бумажка еще короче, а, значит, нос «длиннее». Так проходит ещё пару дней. Как-то утром музыкант просыпается и видит, актёр что-то

пишет.

- Вы прямо спозаранок за литературу...?

- Нет, за математику. Вот считаю – на сколько выпивок бумажки осталось. У тебя гастроли заканчиваются. Уедешь, кто мне «нос наставлять» будет...?

Когда полным ходом шла подготовка к съёмкам фильма «Семнадцать мгновений весны», вдруг выясняется, что замечательный известнейший актёр Всеволод Санаев категорически отказывается от предложенной ему роли Мюллера.

Режиссёр в недоумении:

- Всё уже решено.... Как можно срывать игру в самом начале?

Артист извиняется:

- Я долго думал, играть мне эту роль или не играть...

- Ну, и...?

- Нет, всё-таки нет! – твёрдо говорит Санаев.

- Да почему же, чёрт возьми? – сердится режиссёр.

- Я секретарь парткома Мосфильма, - делает ударение на последнем слове артист. – Играть фашиста не буду и баста.

Эту уважительную причину режиссёр принял безоговорочно...

На курсе сценического искусства во ВГИКе известный режиссёр читает лекцию. Один из студентов шепчет соседу:

- Какая дребедень...

- Бред! – соглашается тот.

Режиссёр слышит этот разговор и строго говорит:

- А вы бы, господа, записывали этот бред. Учтите, два раза подряд я бредить не собираюсь.

Ту же режиссёр после своих слов задумывается и, улыбнувшись, добавляет:

- По-моему дважды бредить одно и то же мало у кого получается...

Лондон, середина 19го века, дипломатический приём в посольстве США. Давно закончилась официальная часть, присутствующие непринуждённо группами увлечены неспешным разговором. В стороне трое степенных, надо полагать, отцов семейств, потому как сетуют на молодёжь:

- Бездеятельны и совершенно беззаботны, - резок в своих оценках один.

- Но как требовательны и расточительны, негодующе вторит другой.

Третий, известный американский дипломат Лоуэлл, сочувственно поддакивает:

- Да-а, надо признать – молодость большущий порок! – и, чуть задержав паузу, усмехается: - Только, к сожалению, чересчур быстро излечивается временем...

Все трое по-доброму смеются.

Общеизвестно, что в актёрской среде любят подсмеиваться друг над другом.

Замечательный актёр Юрий Георгиевич Козлов в одной из сцен играет больного человека, оправдывающегося на работе перед начальником справкой о том, что у него грудная жаба.

- Вы уже в который раз приносите одну и ту же бумагу, - отчитывает «нерадивого работника» «начальник».

- Но это же правда! – негодует «прогульщик» и тычет в справку пальцем. – Вот читайте сами: жа-ба... Тут же по-русски написано – жа-ба.

«Начальник» берёт в руки бумагу, смотрит в неё и застывает. А ещё через мгновение, еле сдерживая смех, спешит уйти со сцены. Козлов остаётся один. Невозмутимо складывает «справку» в карман. За кулисами хохот. Взамен «начальника» выходит другой актёр, и сцену наспех сворачивают.

- Ну-ка, покажи, какую справку ты сейчас показывал? – сердится режиссёр в антракте. – Что там у тебя за жаба...?

Актёр разворачивает страницу из «Плейбоя» с изображением сзади обнажённой пышнотелой девицы....

Присутствующие при этом тут же артисты театра чуть не падают на пол от смеха.

Театр на Малой Бронной выехал поездом на гастроли. В купе у Льва Дурова актёры Мартынюк, Сайфулин, Смиртинский решили раздавить, как говорится, пузырёк. В поисках закуски Сайфулин заглянул к Дурову в чемодан:

- Дед, у тебя что это за баночки? Закусь?

- Это мазь для роста волос, - серьёзно отвечает знаменитый хохмач.

- Ну, ты даёшь! Это на твоей плешке-то...?

Этак, подсмеиваясь, друг над другом, актёры скоротали вечер, и, наконец, ушли в своё купе.

Ночью Дуров взял у соседки парик, нахлобучил на голову и, шумно ворвавшись к соседям в купе, включил свет.

- Ну, ребята, не верили, что у меня волосы вырастут...?

Смиртинский упал с верхней полки, Мартынюк онемел и тарасил спросонья глаза на невообразимые вихры у Дурова, а Сейфулин просто вымолвил:

- Ну, хана, мужики...

Но главное, в течение последующих десяти минут все верили, что волосы действительно выросли...

В конце 20х годов прошлого века в Советский Союз по приглашению писателей в гости на девять дней приезжал известный и неподражаемый Бернард Шоу. Встречу организовали по высшему разряду помпезности и советского гостеприимства. По этому случаю тут же на вокзале, окружённый

восторженной публикой, великий остро слов и сатирик во всеуслышание иронизирует:

- Простите товарищи, неужели мою бородку спутали с громадной бородой Карла Маркса?

Эта воспринимается легко, шутливо, и ни у кого нет оснований слышать что-то неловкое из уст знаменитого гостя. Кто-то запросто задаёт тут же вопрос:

- А почему ваш приезд так краткосрочен? У нас при социализме есть, чем привечать такого гостя и подольше...

На что Шоу с той же блистательной иронией ответил:

- Что, правда, то правда, я грешил социализмом ещё до рождения вашего Ленина, что, конечно же, обязывает меня пожить у вас лет... девять. Но мои дела ... в капитализме ещё не совсем доведены до конца...

Ирония этих слов тогда совершенно не понималась публикой, но смеху было много, хотя сам Бернад Шоу только чуть усмехался.

Талантливые люди частенько иронизируют над собой, поощряют байки о себе, часто сочиняют о себе сами. Нужно сказать, это один из признаков истинного таланта – смех в свой адрес.

Чудесный актёр Лев Дуров может подолгу рассказывать о себе смешно и много, в том числе и небылицы. Вот один из его рассказов:

- Тридцать первое декабря, вторая половина дня. После репетиции в голове ералаш, но мысль о том, что ещё нужно где-то купить ёлку, всё-таки прорывается к сознанию. Мечусь по улицам в поисках, случайно в парке натываюсь прямо на мужика с ёлкой. Личность неприятная, прямо скажем, во всех позициях. Небрит, помят, какой-то весь явно затюканный, подозрительный одним словом мужик.

Но самое главное на эту подозрительность и покупаешься. Думаю, спёр где-то ёлку и продаёт. Ну, а мне какая разница, лишь бы зелёная была. Спрашиваю: - сколько? – и отваливаю мужику столярник. Тот деньги в лапу и бежать. Думаю: похмелье торопиться. Но когда ёлочку попробовал на плечо взвалить, понял, почему мужик торопился. Ёлка та просто росла в парке. Первые минуты у меня просто шок, но потом сообразил и спрятался тут же за ёлку. Думаю, гад, ты же вернёшься её ещё продавать. И точно, не прошло и десяти минут, смотрю, крадётся. Подпускаю, выхожу из-за дерева и в лоб ему: - Ну, что, паря, ёлочка к празднику нужна? Надо бы с тебя сотни полторы взять, но тебе за сотню уступлю...

На том и разошлись мирно.

Поздно вечером в трамвае после спектакля два актёра едут домой. Даже со стороны по всему их виду можно определить кто из них пессимист, а кто настроен более радужно. У оптимиста шляпа чуть набок, нога на ногу, и лёгкое пальто нараспашку, а у пессимиста кислое лицо и развязанный шнурок на изрядно пыльном ботинке.

- Надо же, совсем забыли! На такой юбилей ни тебя, ни меня не пригласили, - обиженно обращается в чей-то адрес пессимист и отрешённо смотрит в тёмное окно трамвая.

- Значит, по-омнят..., - вальяжно вытягивает ноги оптимист и беззаботно хлопает приятеля по колену.

Во Владивостокском драматическом театре имени Максима Горького идёт репетиция. Что-то не клеится, сцена не получается. Актёры как-то притихли. Главный режиссёр театра Ефим Звеняцкий угрюм и озабочен. Что-то мешает. Какие-то люди возятся под потолком с люстрой. Должно быть электрики. Вот-вот разразится скандал. Режиссёр не любит, когда мешают работе.

В этот угрожающий момент сверху вдруг раздаётся громкий голос:

- Во, дела! В люстре мыши завелись!

Все мгновенно обращают взоры вверх и оживляются.

Звеняцкий облегчённо с иронией восклицает:

- Ну, слава Богу, хоть что-то живое есть в этом театре...

В городе Н-е из ряда вон плохо и медленно идёт строительство часовни. Отец Агафон священник местной церкви озабочен скудным доходом:

- К холодам не управимся с крышей. Прямо беда.... Скуп народ...

- А почему бедный даёт всегда поболее из того, что у самого есть, а вот у богатого и того не выпросишь, - на философский лад пытается отвлечь батюшку от забот дьякон.

- А ты глянь в окно, что там?

- Народ на улице, - недоумевает дьякон.

- А теперь в зеркало посмотри, что?

- Ну, себя вижу...

Священник хитро улыбается:

- Вот тебе и ответ. И там, и там стекло? Но чуть серебра добавить и тогда только себя и видишь...

Марк Семёнович Донской – известный замечательный кинорежиссёр – был человеком невероятного таланта, энергии и всего того, что делает людей, что называется, великими. Всецело одержимый кино, он был, как говорят, всегда «на взводе», «взрывоопасен», вспыльчив и требователен, как ребёнок, и тут же оставался бесконечно озорным человеком. Часто на съёмках, после того, как вдоволь накричавшись в рупор на всех кто попадался под горячую руку, он подносил этот же жестяной инструмент к глазам и буквально в ту же секунду взрывался новой порцией негодования:

- Чёрт побери, почему круглый кадр? Где камера? Я вас спрашиваю – почему круглый кадр...?!

Это было настолько естественно, что невозможно было понять, шутит или серьёзен режиссёр. И только смеющиеся глаза его выдавали.

После победы белорусов в хоккее у президента Лукашенко берут интервью:

- Все знают, как вы любите хоккей, говорят, что одно время спали с клюшкой...?

Лукашенко язвит:

- Да, спал, пока она... не забеременела.

Валентину Толкунову по телефону приглашают на «левый» концерт. Намёками обговаривается сумма гонорара:

- Сколько километров от Москвы предстоит ехать?

- 140...

Отказ:

- Я так близко не езжу...

Валерий Золотухин в спектакле «Борис Годунов» играет самозванца. Подчёркивая колоритность героя, актёр специально одевался во флотскую тельняшку. Через пару спектаклей игру запретили.... Это были времена генерального секретаря ЦК Юрия Андропова, служившего в молодости в речной флотилии.

Медицинский институт. На факультете гинекологии экзамен принимает профессор Самарин. Отвечает студентка. Запутавшись в инструментах, вертит в руках продолговатый предмет вроде скальпеля, ждёт подсказку. Кто-то из студентов шепчет:

- Дефлоратор Самарина...

Студентка повторяет подсказку

Профессор юморист, потому ответ принимает и на полном серьёзе замечает:

- Н-да! Знаете ли, сударыня, вы допустили неточность. Дефлоратор Самарина выглядит несколько повнушительнее...

У Жванецкого увели автомобиль. Солидный такой дорогуший «Мерседес». Юморист долго сокрушается, ругая на чём свет стоит милицию, людей и вообще Рассею.

- Кошмар! Не страна, а один большой, гигантский кошмарище...

Кто-то из приятелей замечает:

- Ну, Михал Михалыч, надо полагать, после этого ты уедешь из этой ненормальной страны...?

- На чём...? – саркастически разводит руками Жванецкий.